

Международное высшее образование

ВЫПУСК

76

Лето
2014

Международные
темы

Американские темы в
глобальной перспективе

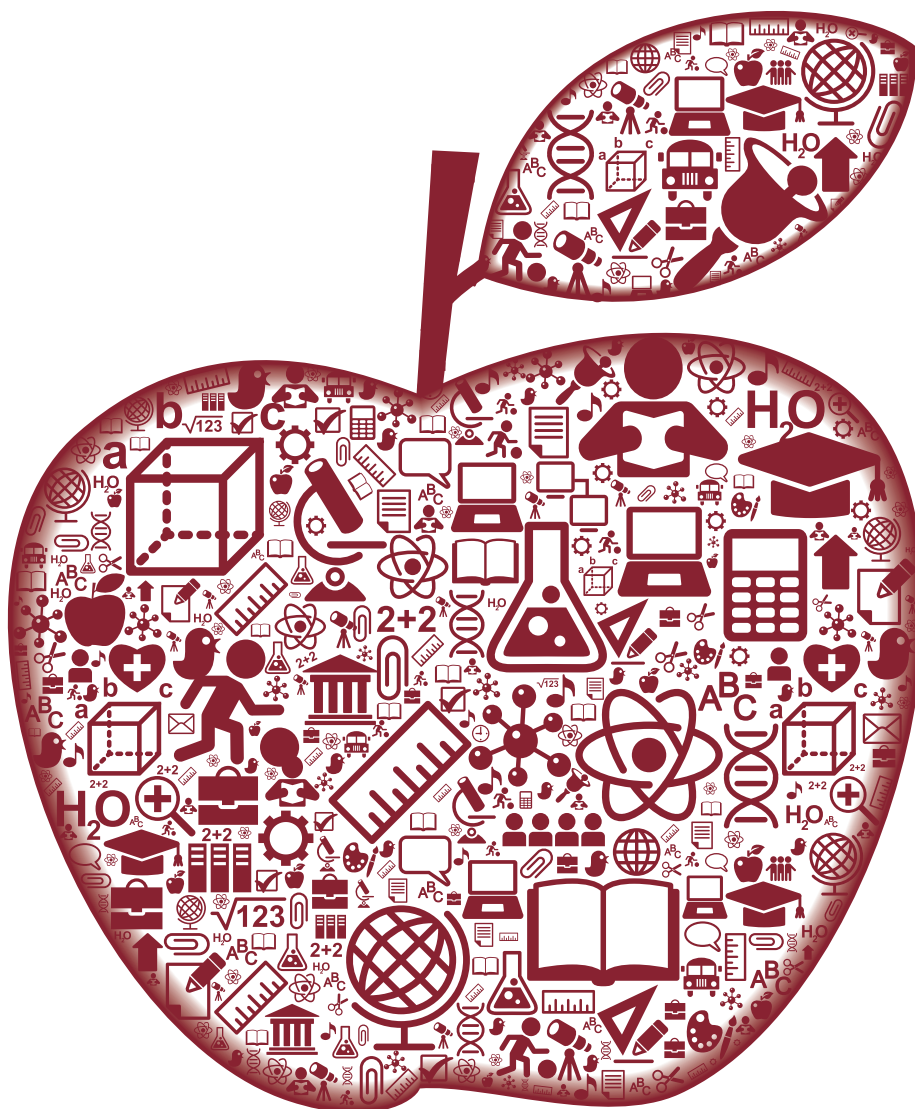
Интернационализация

Частное высшее
образование

Фокус
на Африке

Китай: новые
направления

Страны
и регионы

CINE

Центр по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) занимается теоретическими разработками и проводит междисциплинарные исследования в области высшего образования на мировом уровне. Основной задачей центра является распространение актуального, аналитически осмысленного знания о состоянии, тенденциях развития, структуре и основных проблемах международного высшего образования. Руководит центром известный специалист в области изучения процессов развития высшей школы профессор Филип Дж. Альтбах.

Среди направлений деятельности центра ключевыми являются издание ежеквартального бюллетеня *International Higher Education*, содержащего лучшие научные разработки и статьи о важных изменениях в области высшей школы на примере локальных,

региональных и международных кейсов; отбор и издание книг и монографий состоявшихся и молодых исследователей из разных стран; работа по активизации исследований в области высшей школы в странах Африки и других развивающихся странах; мониторинг коррупции в сфере высшего образования, а также работа, связанная с кросс-культурным взаимодействием университетов и исследователей.

Центр по изучению международного высшего образования — стратегический партнер ИНИИ НИУ ВШЭ, в сотрудничестве с которым реализован целый ряд исследовательских проектов. Новым этапом совместной деятельности является подписание соглашения о передаче прав на издание и распространение бюллетеня на русском языке.

<http://www.bc.edu/research/cihe/>

НИУ ВШЭ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» является крупнейшим центром социально-экономических исследований и признанным лидером высшего образования в Восточной Европе. Университет активно и успешно занимается исследовательскими разработками в области менеджмента, социологии, политологии, философии, международных отношений, математики, востоковедения и журналистики, объединенных базовыми принципами современной экономической науки.

Преподаватели и сотрудники университета принимают значимое участие в развитии социальных и экономических преобразований в Российской Федерации. Путем проведения системного анализа и комплексных междисциплинарных исследований университет транслирует актуальные экономические знания правительству, бизнес-сообществу и гражданскому обществу.

На базе НИУ «Высшая школа экономики» функционируют 47 исследовательских центров и 25 международных лабораторий, занимающихся реализацией прикладных и фундаментальных исследований. Одним из приоритетных направлений деятельности университета являются исследования в области высшего образования, объединяющие усилия целого ряда коллективов, работающих в соответствии с мировыми стандартами. Национальные и международные группы исследователей — специалистов в области экономики, социологии, психологии и управления разрабатывают и реализуют сравнительные междисциплинарные проекты. Тематика таких исследований включает вопросы развития мировой и российской системы высшего образования, эффективного контракта в образовании, трансформации академической профессии, подготовки образовательных стандартов, моделей оценки эффективности учреждений высшей школы и многие другие.

<http://www.hse.ru/>

Содержание

Международное высшее образование

№76 / Лето 2014

Международные темы

- 6 Активизм в студенческой среде: сила глобального масштаба
Филип Дж. Альтбах, Маня Клеменчич

Американские темы в глобальной перспективе

- 8 Особое место американских исследовательских университетов?
Генри Розовски
- 11 Роль демографических факторов в изменении процента людей, получающих высшее образование
Артур М. Хауптман

Интернационализация

- 13 Интернационализация высшего образования: тенденция на сближение или на расхождение?
Эва Эгрон-Полак
- 15 Великобритания становится менее привлекательной для иностранных студентов
Саймон Марджинсон

Частное высшее образование

- 16** Частное высшее образование в Великобритании: мифы и реальность
Стив Вудфилд
- 19** Регулирование сектора коммерческого высшего образования в США
Элизабет Меса, Вильям Сумета

Фокус на Африке

- 21** Частное высшее образование в Африке: проблемы и противоречия
Луиза Морли
- 23** Африканская академическая диаспора и африканское высшее образование
Ким Фаулдз, Пол Тиямбе Зелеза

Китай: новые направления

- 24** Китай: реформа «гаокао»
(национальной системы всеобщих выпускных экзаменов)
Джерард А. Постильоне
- 26** Системные перемены в Китае
Цян Чжа, Чуань Ван

Страны и регионы

- 28** Постбакалаврское обучение в Малайзии и Таиланде
Чиאו-Лин Чиэнь, Дэвид У. Чепмэн
- 30** ЕГЭ в России: проблемы и перспективы
Елена Денисова-Шмидт, Эльвира Леонтьева
- 32** Опрос читателей бюллетеня «Международное высшее образование»
Ариана Де Гайардон, Дэвид А. Стенфилд

Новости бюллетеня

«Международное высшее образование»

Активизм в студенческой среде: сила глобального масштаба

Филип Дж. Альтбах

Маня Клеменчич

Филип Дж. Альтбах — профессор, директор Центра по изучению международного высшего образования, Бостонский колледж.

Маня Клеменчич — постдок отделения социологии Гарвардского университета. E-mail: manja.klemencic@gmail.com.

Данная статья ранее публиковалась в Inside Higher Education.

Студенты сыграли ключевую роль в свержении главы Украины Виктора Януковича. Они от начала и до конца принимали участие в событиях на киевском Майдане. Они также сыграли решающую роль в «оранжевой революции» и последовавшей за ней президентской избирательной кампании 2004 года, которая проходила в условиях тотальной коррумпированности и фальсификации результатов. Студенты участвовали и в демонстрациях на площади Тахрир в Каире, которые привели к смещению Хосни Мубарака, и в других протестных движениях, которые впоследствии получили название «арабская весна».

Вероятно, участие студенческих протестных движений в т.н. цветных революциях началось с сербского движения «Отпор», которое было основано в 1998 году в качестве ответа на репрессивные законы правительства Слободана Милошевича, направленные на усиление контроля за вузами и СМИ. В 2000 году «Отпор» объявил о начале кампании «Готов йе!» («С ним покончено!»), которая в результате привела к поражению Милошевича на выборах. Представители грузинского движения «Кмара» («Довольно»), принимавшего активное участие в «революции роз» 2003 года, киргизского движения «КелКел» («Возрождение»), участвовавшего в «тюльпановой революции» 2005 года, украинского движения «Пора» — все они были вдохновлены опытом сербского «Отпора» и проходили обучение под руководством его членов. В марте 2014 года студенческое «Движение подсолнухов» несколько недель оккупировало законодательную палату Тайваня в знак протеста против подписания торгового соглашения с Китаем, что в результате вылилось в сотысячную демонстрацию.

Хотя пора студенческих революций прошла, пожалуй, еще полвека назад, студенты по-прежнему играют важную роль в политической жизни и нередко становятся ключевой силой политических движений,

направленных на преобразование общества во всем мире. Они не всегда находятся в центре этих движений, но часто являются их неотъемлемой частью, помогая сформулировать их идеологию и послыл, разработать тактику действий.

Кроме того, студенты принимают участие в управлении университетами и выработке стратегий. В Германии студенты убедили общество и политиков вернуть бесплатное высшее образование. Чилийские старшеклассники и студенты довольно продолжительное время выступали за повышение качества образования, отмену платы за обучение и закрытие всех коммерческих вузов, пока Мишель Бачелет, выигравшая президентские выборы 2013 года, не выполнила их требования. В Канаде студенческие протесты 2012 года, получившие название «кленовая весна», были направлены против анонсированного плана по повышению платы за обучение и привели к падению правительства Квебека.

В некоторых странах студенческие волнения тесно связаны с жизнью кампусов и приводят к тому, что правительства вынуждены на какое-то время закрывать вузы. Так было, например, в Нигерии, и вузы Мьянмы были закрыты на несколько лет вследствие студенческих протестов против возглавлявшей страну военной диктатуры. Часто студенческие протесты объединяли внутриуниверситетскую повестку и более широкие, общеполитические требования. Большинство из них не смогло добиться каких бы то ни было социальных изменений, а вот перемен в образовательной политике или на университетском уровне в некоторых случаях достичь удалось.

Несмотря на продолжающиеся демонстрации и впечатляющие успехи, на которые часто не обращают внимания, студенческие движения не вызывают прежнего интереса со стороны исследователей. Это может быть связано с тем, что движения, начавшиеся в стенах кампусов, довольно быстро выходят за его пределы и переходят на улицы, принимая более массовый характер. Если в 1960-х годах студенты были инициаторами и основными действующими лицами протестных движений, то в последние годы они вовлекают более широкие слои общества. Студенты часто теряют контроль над протестом. В некоторых случаях студенческие лидеры выходят за пределы кампуса, для того чтобы открывать общественные приемные или участвовать в более широкой гражданской коалиции. В любом случае студенты продолжают играть ключевую роль в развитии оппозиционных движений и протестов.

Железный закон студенческого активизма

Существует железный закон студенческого активизма. Студенты часто выносят важные политические проблемы на всеобщее обозрение и, если в обществе сложилось глубинное недовольство ситуацией, участвуют в создании политических движений, которые могут

привести к дестабилизации или даже к падению действующего режима. Студенты — это организованная и сплоченная в университетской среде социальная группа, у которой достаточно времени для обмена мнениями и разработки идей. Кроме того, общество обычно с пониманием относится к проблемам студентов.

Но студенты не могут контролировать государственную политику после падения режима. Они вступают в партии, но не могут продвинуться слишком далеко на широкой политической сцене в силу своих зачастую радикальных, бескомпромиссных взглядов. Политическая жизнь — это поиск баланса между экономическими и военными нуждами, умение строить коалиции и находить компромиссы. Будучи целеустремленными и полными энергии, студенты, вступая на политическую арену, оказываются на периферии, поскольку, как правило, у них нет понимания политических процессов и процедур, недостаточно опыта и связей, необходимых для того, чтобы удержаться на большой политической сцене.

Действительно, в большинстве случаев, когда протестное движение спадает, реальный политический процесс развивается вовсе не так, как того требовали студенты. Вероятно, поэтому студенты и являются силой, которая провоцирует социальные и политические изменения, но никогда не контролирует их результаты.

События в Египте и на Украине только подтверждают этот железный закон. Большинство студентов в Египте вовсе не хотело, чтобы в результате «арабской весны» власть досталась «Братьям-мусульманам», а украинские студенты остались в целом разочарованы недавним ростом влияния ультра националистов.

Успехи на образовательном фронте

Добиться положительных результатов студентам чаще удается на образовательном фронте. Так, хотя в Великобритании массовые студенческие протесты против повышения платы за обучение в Англии и Уэльсе, проводившиеся при поддержке преподавателей, не увенчались успехом, в Германии они привели к отмене платы за обучение, так что теперь во всех федеральных землях высшее образование снова стало бесплатным. Многомесячные демонстрации старшеклассников и студентов в Чили повлекли за собой начало масштабной образовательной реформы, частью которой стала отмена введенной ранее высокой платы за обучение.

Современные студенты протестуют против сокращения государственной поддержки вузов и повышения платы за обучение, т.е. того, что ассоциируется с неолиберальным подходом к высшему образованию. Строгие экономические меры, связанные с глобальным финансовым кризисом, ускорили осуществление таких реформ в странах, в которых о них раньше и не думали. Несмотря на декларируемые различия, есть ощущение, что национальные системы образования становятся все более похожими в плане большей ори-

ентации на рыночные механизмы даже в странах с крепкой традицией социального обеспечения.

Борьба против повышения платы за обучение — это, пожалуй, единственная и самая мощная идея, которая мобилизует студентов по всему миру. Другие социальные вопросы, такие как обеспечение студентов жильем, льготным питанием и транспортом, приводят скорее к локальным акциям протеста, инициированным местными студенческими союзами, которые быстро затухают. Качество образования практически никогда не было проблемой, достаточно значимой для мобилизации студентов на организацию политических акций. Подобные вопросы решаются в рамках переговоров студенческих организаций с руководством вузов.

Студенческий активизм в XXI веке

Многие утверждают, что в эру массового высшего образования студенческий активизм исчезнет как явление. Студенческое сообщество очень разнородно: многие обучаются заочно, многие не принадлежат к элитным социальным группам; плата за обучение в большинстве стран растет — эти и другие факторы говорят, казалось бы, в пользу снижения социальной и политической активности студентов. Но на самом деле это не так. Студенты по-прежнему остаются одним из двигателей социальных и политических изменений, выбирая разве что другие модели действия.

Студенты все реже вступают в политические партии и голосуют на выборах. Зато они с большей охотой подписывают онлайн-петиции, поддерживают бойкоты, высказывают свою позицию на онлайн-форумах, участвуют в защите интересов социальных групп, демонстрациях и протестных движениях. Характер участия студентов в общественной жизни по-прежнему во многом зависит от того, в какой части света они живут. Согласно опросам, проводимым в рамках Всемирного обзора ценностей (World Values Survey), в западных обществах, в которых система ценностей сдвигается в сторону постмодернизма, студенты более индивидуалистичны и, разумеется, более заинтересованы в вопросах личного благополучия, самовыражения и качества жизни.

Студенты сыграли ключевую роль в свержении главы Украины Виктора Януковича. Они от начала и до конца принимали участие в событиях на киевском Майдане.

В других же обществах на повестке дня стоит необходимость демократизации, защита прав меньшинств, борьба с коррупцией и т.д. Но даже в некоторых постиндустриальных обществах эпохи постмодерна студенты продолжают активно участвовать в политической жизни, как показал успех движения «Оккупай» или студенческие протесты против повышения платы за обучение в Великобритании. Очевидно, что потенциальные проблемы, которые могут мобилизовать студентов на социальную активность, существенно различаются в зависимости от стран и регионов.

Особое место американских исследовательских университетов?

Генри Розовски

Генри Розовски — экономист, почетный декан отделения гуманитарных и естественных наук Гарвардского университета.

Полная версия статьи опубликована в журнале «Вопросы образования». 2014. № 2. С. 8-19.

Парадокс

На национальном уровне американское высшее образование подвергается сегодня почти беспрецедентной критике. Общий вывод такой: «слишком дорого и неэффективно, не лучшее вложение средств». Говорят, что выпускники не подготовлены к реалиям рынка труда. Систему упрекают в излишней терпимости к низкой производительности преподавателей и в сопротивлении технологической революции. В целом действующая «бизнес-модель» американского образования оценивается как не соответствующая целям устойчивого развития: есть и такие, кто считает, что мы движемся по пути к саморазрушению.

В то же время в международных дискуссиях о высшем образовании и в наднациональных системах оценивания американские университеты часто выступают «предметом зависти» для всего мира. Конечно, не все. На самом деле совсем немногие. Но некоторые — да, являются таковыми, и как раз в этом и состоит мое убеждение.

Ярлык «американские университеты» оказывается практически бессодержательным, если вспомнить, что в стране более 4 тысяч высших учебных заведений и среди них есть те, которые действительно могут вызвать всеобщую зависть, и те, которые немногим

отличаются от старших классов средней школы, а уж между этими двумя полюсами чего только нет.

На вершине нашей пирамиды высшего образования находятся государственные и частные исследовательские университеты, которым принадлежит особая роль в создании и сохранении знаний, в подготовке магистров в гуманитарных и естественных науках и в профессиональных областях, а также в гуманитарном образовании на этапе бакалавриата. По мнению Джонатана Коула, этому описанию соответствуют около 125 университетов и они «...способны обеспечить значительную часть важнейших фундаментальных знаний и практических исследовательских открытий, которые создаются в мире. Характеристики, которые выделяют эти университеты среди прочих, и составляют предмет зависти во всем мире. Это качество проводимых исследований и система инвестирования средств в образование молодых людей и их обучение, выстроенная с таким расчетом, чтобы они становились ведущими учеными в области естественных и гуманитарных наук». Я буду говорить здесь только о ведущих американских университетах.

Всем учебным заведениям на вершине американской образовательной пирамиды — а также некоторым другим — присущи шесть характеристик, тесно связанных с высоким качеством образования. А их отсутствие не дает возможности исследовательским университетам достичь высшего качества образования или по крайней мере сильно осложняет эту задачу, причем не только в Америке, но и в любой другой стране. Действительно, частичное или полное отсутствие данных характеристик в других странах может служить объяснением тому факту, что на верхних строчках общепризнанных рейтингов университетов относительно мало иностранных — особенно западного типа — учебных заведений. Ни одну из этих шести характеристик нельзя строго определить; все они достаточно расплывчаты. Тем не менее выяснить, имеют они место или нет, не составляет труда.

Шесть характеристик качества

Совместное управление. Во-первых, для этих учебных заведений характерно совместное управление: попечители и президент условно делегируют право определения образовательной политики преподавателям. Главным образом это касается учебного плана и принятия предварительных решений о том, кто преподает, кто принят для обучения, кто занимается исследованиями. Административный стиль скорее коллегиальный, чем иерархический: профессорско-преподавательский состав делит полномочия в той или иной области с назначенными администраторами и с попечителями, за которыми остается право окончательного решения. Это именно американский способ совместного управления, который опирается на сильную административную власть. Президенты университетов, проректоры и деканы обладают широкими полномочиями в распределении бюджета,

формулировании первоочередных задач учебного заведения и во многих других важных вопросах.

Почему совместное управление имеет такое большое значение? Ответов может быть множество, но чаще всего исследователи упоминают следующие особенности системы высшего образования: во-первых, университеты — организации чрезвычайно сложные, централизованное принятие решений в таких организациях не гарантирует лучших результатов; во-вторых, в университетах велика доля сотрудников с преимущественно внутренней мотивацией, и, чтобы выжать максимум из их творческого потенциала, требуется обеспечить им чувство причастности.

Очень удачно сформулировала это Сьюзан Хокфилд, бывший президент Массачусетского технологического института: «Преподаватели работают на переднем крае своих дисциплин и, занимая это выигрышное положение, лучше, чем кто-либо, способны определить направление развития своих областей науки и составить учебный план, который позволит студентам достичь переднего края. Ни один руководитель учебного заведения не может создать программу какого-либо университетского курса без помощи преподавателей». Конечно, при совместном управлении администраторам не приходится рассчитывать на быстрое осуществление перемен, но отсутствие поспешности — залог более мудрых решений, и оно уж точно — об этом свидетельствует история университетов — не исключает фундаментальных сдвигов.

Академическая свобода. Во-вторых, американские исследовательские университеты пользуются академической свободой, хотя с ее осуществлением периодически возникают определенные трудности. Академическая свобода означает «право ученых заниматься исследованиями, преподавать и публиковать результаты своих изысканий без каких-либо ограничений или контроля со стороны нанимающих их учреждений». Кроме того, американским ученым гарантированы все права жителей этой страны, особое значение среди них имеют права, обеспечиваемые Первой поправкой.

Отбор по заслугам. В-третьих, прием студентов, отбор и продвижение по службе преподавателей осуществляются на основании их заслуг, оцениваемых согласно признанным и принятым институциональным стандартам. К категории заслуг относятся и разнообразные прошлые достижения, и их воздействия на систему оценивания избежать, конечно, очень трудно. Оценивая студента, невозможно игнорировать его семейное происхождение. На принятие решения о зачислении влияют требования политики равных возможностей, да и спортивные успехи студентов могут иметь высокую ценность в глазах университетской администрации. В силу всех этих и многих других факторов процедура оценивания заслуг студентов, конечно, не сводится к простому сравнению результатов стандартизированного общенационального теста.

Точно так же половая принадлежность, раса и тесные связи в социальных сетях бывших однокашников могут быть причиной отступлений от объективных критериев отбора и повышения по службе преподавателей. И тем не менее объективные показатели заслуг, по крайней мере в первом приближении, разработаны и используются.

Значимое человеческое общение. В-четвертых, основным компонентом образования является и, по-видимому, останется впредь значимое человеческое общение: реальные, в противоположность виртуальным, встречи студентов и преподавателей, направленные на поощрение совместной деятельности и развитие критического мышления. В Tanner Lectures 2012 года Уильям Боуэн описывает это явление как «трение умов друг о друга». Доля, которую составляет непосредственное общение студентов и преподавателей в процессе обучения, может со временем меняться, но базовый принцип остается неизменным: реальные встречи студента с преподавателем должны быть обязательной частью гуманитарного образования на этапе бакалавриата, поскольку студентам трудно сделать выбор, не имея руководства и возможности общения, и они же являются самоочевидной частью отношений между наставником и претендентом на степень PhD.

Мало кто возьмется сегодня отрицать огромное значение цифровых технологий, виртуальных курсов или обращения время от времени к методике обучения «перевернутый класс», но они остаются дополнительными, а не основными средствами обучения.

Сохранение культуры. В-пятых, все университеты, находящиеся на вершине американской образовательной пирамиды, считают одной из своих миссий сохранение и передачу культуры. Это значит, что в их учебных планах представлены гуманитарные дисциплины (обязательные для студентов гуманитарных факультетов), что они проводят исследования по соответствующей тематике, в частности лингвистические, и осуществляют поддержку библиотек и музеев.

Статус некоммерческой организации. В-шестых и в-последних, исследовательские университеты не ориентированы на извлечение прибыли. Если бы целью являлось максимальное увеличение прибыли или акционерной стоимости, все рассмотренные выше условия оказались бы нежелательными препятствиями в ее достижении и факторами неэффективности, которые компетентное руководство ни в коем случае не стало бы терпеть. Но с этим условием не все так просто, как может показаться. Соображения выгоды могут влиять на принятие решений и в некоммерческих университетах, и иногда это влияние принимает разрушительные масштабы. Например, условием ведения тех или иных видов деятельности, обеспечивающих оборотные средства или средства на проведение исследований в обмен на определенные привилегии, получаемые спонсором, может быть ограничение доступа к научным разработкам на оговоренный период времени.

В этом смысле ни один исследовательский университет сегодня нельзя назвать полностью некоммерческим. Но ни для одного из них бизнес-цели внешних спонсоров не являются основными.

Эти шесть характеристик не являются каноническими и не предполагают строгого математического доказательств. Выделяя их, я исходил из собственного (полагаю, непротиворечивого) осмысления нашего исторического опыта.

Толкование требований к качеству образования и возможные заблуждения

Многие преподаватели вузов сочтут этот список характеристик, отличающих учебные заведения на вершине американской образовательной пирамиды, знакомым, очевидным и малоинтересным. А вот реакция читателей, не относящихся к академической среде, может быть совершенно иной. Список легко интерпретировать как призыв к сохранению статус-кво, типичный для академического истеблишмента: он обычно упорно сопротивляется любым переменам.

Обе точки зрения неверны. Характеристики качества почти никогда не рассматриваются в системе, и это при том, что отсутствие даже одной из них сказывается на целостности и уровне исследовательского университета.

...в международных дискуссиях о высшем образовании и в наднациональных системах оценивания американские университеты часто выступают «предметом зависти» для всего мира.

Если встать на точку зрения человека не из академической среды, то ни одна из этих характеристик (неважно, по отдельности их рассматривать или группой) не делает невозможными — пользуясь столь любезным нашим критикам термином — подрывные изменения. Это важное соображение, потому что, насколько я понимаю, оно идет вразрез с общепринятыми представлениями.

К примеру, бессрочный контракт многими воспринимается как препятствие к реализации изменений. Внедрить вместо него систему долгосрочных контрактов, возможно, действительно было бы лучше — в частности, потому, что федеральный закон запрещает

принуждение к выходу на пенсию. Преподаватели стареют, как и их идеи, их засилье на университетских кафедрах ведет к повышению расходов и препятствует росту молодых. Но не перечисленные характеристики стоят на пути изменений. Преподаватели не участвуют в определении размера собственной зарплаты или условий занятости; все это решает администрация, даже если она и ведет какие-то переговоры с профсоюзом. Главный барьер, препятствующий переменам, заключается в том, что конкуренция между некоммерческими учебными заведениями одного типа обостряется ростом затрат.

Мне всегда казалось странным распространенное убеждение, что исследовательские университеты «неизменны». Наш продукт — это образование и исследование, и существенны в нем не формат или обстановка (бутылка), а содержание (вино). Содержание же постоянно меняется.

Положение университетов в настоящий момент

Обратимся теперь к некоторым трудностям, с которыми сталкиваются современные университеты. Чтобы иметь возможность выполнять свою общественную функцию, т.е. создавать знания и обучать студентов, университетское сообщество выдвигает определенные условия, которые могут быть не всегда очевидны — а в настоящее время почти наверняка не очевидны, — как попечителям, управляющим университетами, так и более широкой публике. Например, характеристики, связанные с качеством, можно воспринять как претензии на особые привилегии.

Также следует помнить, что лишь немногие американские университеты имеют официальную конституцию или продолжительную традицию неписаных законов. Гаранты их привилегий и устоявшихся практик работы являются попечители, чей жизненный опыт связан преимущественно с частным бизнесом, а эта категория, по общему признанию, настолько широка, что почти лишена смысла. К тому же в государственных университетах назначение на руководящие должности может быть обусловлено политическими мотивами, часто находится в руках губернатора и иногда происходит в результате масштабных выборов.

В современных условиях конкуренции между университетами и острой общественной критики их деятельности встает вопрос: понимают ли те, кто берет на себя роль суда последней инстанции, суть той необычной организации, которая им вверена? Когда инициатива попечителей необходима и уместна, а когда нет? Достаточно ли мы делаем для того, чтобы подготовить попечителей к их обязанностям? Не озабочены ли те, кто назначает на должности, в большей мере способностью кандидата разобраться в балансовом отчете, чем тем, насколько для него важны университетские ценности? Оценивая потенциальных попечителей, не придаем ли мы первостепенное значение их готовно-

сти делать большие пожертвования? Не интересуют ли тех, кто обладает полномочиями назначать, прежде всего прочего политические пристрастия кандидата?

То же самое можно сказать об отборе преподавателей. Мы с пристрастием изучаем показатели их исследовательской активности и — с недавних пор, и это основное и благоприятное изменение, — более внимательно оцениваем их преподавательские навыки. Но делаем ли мы хоть что-нибудь для того, чтобы подготовить преподавателей к продуктивному участию в совместном управлении университетом? Ведь эти умения преподавателей, так же как их профессиональная квалификация, приобретают все большую значимость для американских исследовательских университетов — предмета зависти всего мира — в плавании по просторам науки, где воды, по прогнозам почти всех наблюдателей, будут становиться все более бурными.

Роль демографических факторов в изменении процента людей, получающих высшее образование

Артур М. Хауптман

Артур М. Хауптман — независимый консультант, специалист в области высшего образования и финансов. E-mail: Art.hauptman@yahoo.com.

В последнее десятилетие среди экспертов по высшему образованию в США активно обсуждается вопрос о сравнении доли американцев, имеющих высшее образование, с аналогичным показателем других стран. Организация по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР) выпустила серию отчетов, которые показывают, что США стали уступать многим другим странам — членам ОЭСР по этому показателю, особенно если речь идет о молодом поколении. Обеспокоенный ситуацией президент Обама сделал повышение доли людей, успешно оканчивающих высшие учебные заведения, неотъемлемой частью национальной политики. В отчетах также говорится, что для того, чтобы американская экономика не теряла конкурентоспособности, необходимо, чтобы в ближайшее десятилетие несколько миллионов человек получили высшее образование.

Однако мало кто обращает внимание на тот факт, что количество американцев, получивших степень бакалавра или младшего специалиста (associate degree), на протяжении последних нескольких десятков лет

и вплоть до сегодняшнего дня стабильно росло как в целом по стране, так и среди людей традиционного студенческого возраста. Причем рост количества людей, получивших диплом, значительно превышал рост населения в целом и рост количества людей студенческого возраста в частности. Поскольку доля людей, имеющих высшее образование, определяется как отношение числа людей определенной возрастной группы, имеющих диплом о высшем образовании, к общему числу людей данного возраста, получается, что этот показатель в США стабильно рос.

Чем же объясняется, казалось бы, парадоксальная ситуация: число выдаваемых дипломов о высшем образовании в США каждый год увеличивается, относительное количество людей с высшим образованием в стране также увеличивается, но при этом США проигрывают другим странам по росту доли людей, получивших высшее образование? Простой ответ заключается в том, что в других странах доля людей с высшим образованием увеличивалась быстрее, поэтому относительное положение США ухудшилось, особенно если сравнивать этот показатель для молодежной возрастной группы.

Однако более правдоподобной выглядит версия о том, что причина отставания кроется в различиях в демографической динамике и вообще влиянии демографических тенденций на то, сколько человек в той или иной стране оканчивают вуз. В дискуссиях, которые идут по этой теме в США, часто забывается или игнорируется то, что число выпускников вузов в стране на самом деле зависит от двух показателей: количества людей определенного возраста и доли среди них тех, кто уже получил высшее образование. При этом не в полной мере присутствует понимание того, что из этих двух факторов демографический в гораздо большей степени определяет общий объем рабочей силы, имеющей высшее образование, чем изменение доли людей с высшим образованием.

Опыт США

После Второй мировой войны количество бакалаврских степеней, выдаваемых в США, непрерывно росло из года в год, причем темпами, значительно превышавшими темпы прироста населения в стране. Таким образом, доля людей, получивших как минимум степень бакалавра, в США росла для всех возрастных групп на протяжении полувека. Даже за последнее десятилетие рост этого показателя составлял 10% для всех возрастных групп. С 1960 года темпы прироста доли тех, кто получил хотя бы степень бакалавра, возросли в три раза во всех возрастных группах, с 1970 года — в два. Последние два десятилетия также характеризуются стабильным увеличением доли людей работоспособного возраста, имеющих хотя бы степень младшего специалиста. Статистики по предыдущим десятилетиям нет, потому что правительство США стало впервые учитывать количество выдаваемых дипломов младшего специалиста лишь в 1990 году.

Приведенные данные опровергают распространенное мнение о том, что доля людей с высшим образованием в США давно не меняется. Этот ошибочный вывод делается исходя из следующего размышления: доля людей, имеющих высшее образование, в самой молодой и самой пожилой когорте работоспособного населения сравнялась, что, по мнению многих, означает, что этот показатель давно перестал расти. Но на самом деле равенство показателей для двух возрастных групп объясняется не замедлением роста доли молодежи с высшим образованием, а стремительным ростом соответствующего показателя для старшего поколения работающих людей.

**...в других странах
доля людей с высшим
образованием
увеличивалась быстрее,
поэтому относительное
положение США
ухудшилось, особенно если
сравнивать этот показатель
для молодежной
возрастной группы.**

Еще один важный, но зачастую игнорируемый фактор — демографические тенденции, определяющие общую численность населения в стране. В отличие от доли людей с высшим образованием, которая стабильно росла, размер возрастной группы традиционного возраста получения высшего образования постоянно менялся. В середине 1970-х годов в США результатом послевоенного бэби-бума стало максимальное количество выпускников школ, которое затем снижалось вплоть до начала 1990-х, после чего снова стало расти и достигло новой вершины примерно в 2008-2009 годах. Согласно прогнозам, в 2014-2015 годах оно опять будет снижаться, но к концу десятилетия вырастет.

Тем не менее, несмотря на периодическое снижение количества выпускников школ, численность студентов и выпускников вузов в США стабильно росла на протяжении последних 50 лет. Чем это можно объяснить? Основная причина заключается в том, что американские вузы успешно привлекали в ряды студентов людей более старшего возраста, в результате чего и количество студентов, и доля людей с высшим образованием по всем возрастным группам росли, так же как и количество ежегодно выдаваемых дипломов.

Опыт стран с высокой долей людей с высшим образованием

Представленные выше тенденции прироста населения и увеличения доли людей с высшим образованием в США описывают текущую и будущую численность работников с высшим образованием в стране. Однако они не объясняют, почему показатель США по сравнению с показателями многих других стран — членов ОЭСР настолько низкий. Для того чтобы в этом разобраться, необходимо посмотреть на демографическую ситуацию и изменение доли людей с высшим образованием в соответствующих странах.

Многие члены ОЭСР обогнали США по доле людей с высшим образованием несмотря на демографический провал в молодежной возрастной группе, связанный с низким уровнем рождаемости и балансом миграции. В странах с самой высокой долей людей с высшим образованием, например таких, как Корея и Япония, количество 15-24-летних и 25-34-летних снизилось за период с 2000 по 2010 год более чем на 10%. В других государствах с высокой долей людей с высшим образованием наблюдается аналогичная ситуация для группы 15-24-летних. Более того, во многих странах, в частности азиатских, стабильное сокращение населения традиционного университетского возраста стало хроническим.

Это означает, что многие страны, которые сейчас по количеству молодых людей с высшим образованием ранжируются выше США, достигли повышения доли людей с высшим образованием за счет снижения количества молодых людей. Такая ситуация может иметь долгосрочные негативные последствия для рынка труда в этих странах, потому что количество молодых людей, имеющих диплом вуза, значительно превышает численность людей предпенсионного возраста, т.е., вероятно, образованную молодежь ожидает высокий уровень безработицы.

Таким образом, текущая дискуссия о положении США по доле людей с высшим образованием среди других стран — членов ОЭСР практически не затрагивает роль демографических факторов в динамике этого показателя или в изменении требований к рабочей силе.

Интернационализация высшего образования: тенденция на сближение или на расхождение?

Эва Эгрон-Полак

Эва Эгрон-Полак — генеральный секретарь Международной ассоциации университетов, Париж. E-mail: e.egronpolak@iau-aiu.net.

Полный текст доклада доступен на сайте www.iau-aiu.net.

«Каковы основные выводы проведенного Международной ассоциацией университетов (МАУ) 4-го Глобального исследования?» — вопрос, который чаще всего задают в связи с последним исследованием «Интернационализация высшего образования: растущие ожидания, базовые ценности» (Internationalization of Higher Education: Growing Expectations, Fundamental Values), объединившим данные по 1336 вузам из 131 страны, причем доля ответивших составила почти 20%. Выбрать правильный заголовок для такого объемного исследования — трудная задача, тем более что он может потенциально ввести читателя в заблуждение. Поэтому для того, чтобы отразить все существующие нюансы, было необходимо провести глубокий анализ региональных различий и разнообразия результатов. Тем не менее нам удалось сделать и несколько общих выводов.

Повышение роли интернационализации

Результаты нашего исследования подтверждают важность интернационализации вузов. Центральное значение интернационализации для высшего образования подтверждается следующими цифрами: 69% респондентов ответили, что она имеет приоритетное значение, 27% — что она сохраняла свою значимость на протяжении трех предшествующих лет, а еще 30% — что в тот же период ее значение возросло. Результаты также показали, что 75% вузов, представители которых принимали участие в исследовании, уже имеют или разрабатывают стратегию интернационализации, а в 16% вузов интернационализация обозначена в качестве одного из приоритетов в рамках общеуниверситетской стратегии. Большинство европейских вузов, как правило, имеют разработанную стратегию. Так, 61% вузов этого региона подтвердили ее наличие.

Движущие силы и преимущества

По мнению 46% респондентов 4-го Глобального исследования, интернационализация по-прежнему развивается благодаря усилиям руководства университетов — президентов, ректоров и проректоров в качестве

основной движущей силы. Результаты исследования также показывают, что основными преимуществами, которые дает интернационализация, считаются повышение информированности и включение студентов в международные проекты.

Базовые ценности и принципы

В связи с последним программным заявлением ассоциации «Утвердим академические ценности как неотъемлемую часть процесса интернационализации высшего образования: призыв к действию» (Affirming Academic Values in Internationalization of Higher Education: A Call for Action) в исследование были включены новые вопросы, посвященные значимым для интернационализации ценностям и принципам, определенным вузами. Можно допустить, что ответы, которые мы получили, являются всего лишь «политически корректными», но интересно отметить, что во всех регионах мира, за исключением одного, большинство респондентов ответило, что «академические цели являются основным ядром интернационализации» в их вузах. Исключением стал Ближний Восток, большинство вузов которого чаще всего руководствуется принципами научной добросовестности и исследовательской этикой. В случае африканских вузов эти принципы заняли второе место. Интересно, что в вузах ни одного другого региона эти принципы не вошли в тройку наиболее важных для стратегии интернационализации.

...чтобы отразить все существующие нюансы, было необходимо провести глубокий анализ региональных различий и разнообразия результатов. Тем не менее нам удалось сделать и несколько общих выводов.

Вопросы исследования были сфокусированы на ценностях, и полученные ответы подчеркнули их роль в процессе интернационализации. Одной из таких ценностей является равенство. Во всем мире и во всех регионах, кроме Европы, вузы выражают беспокойство тем, что возможности интернационализации будут или уже сейчас доступны только привилегированному меньшинству: самый высокий ранг набрало опасение, что «доступ к международным возможностям (будет) доступен только финансово обеспеченным студентам».

По мнению 46% респондентов 4-го Глобального исследования, интернационализация по-прежнему развивается благодаря усилиям руководства университетов — президентов, ректоров и проректоров в качестве основной движущей силы.

Риски интернационализации

Результаты исследования показали интересную смесь дивергенции и конвергенции взглядов вузов различных регионов на риски интернационализации. Как уже упоминалось выше, почти все сходятся во мнении, что главный институциональный риск интернационализации вузов состоит в том, что извлечь из нее пользу смогут далеко не все студенты. Однако если рассматривать второстепенные риски, то такого консенсуса мы больше не увидим. Широкая дивергенция наблюдается между рисками, которые отмечают вузы разных регионов: вузы Африки и Ближнего Востока указывают на проблему утечки мозгов, североамериканские упоминают излишний акцент на рекрутинг платежеспособных студентов, вузы Латинской Америки и Карибского региона обозначают вопросы, связанные с качеством иностранных образовательных программ, а вузы Азиатско-Тихоокеанского региона отмечают проблему чрезмерно высокой конкуренции между университетами.

Ответы респондентов на вопрос о социальных рисках различались даже на уровне рисков первого уровня. На общемировом уровне, а также как минимум в трех регионах, включая Европу, которая была представлена наибольшим числом респондентов, самым существенным риском интернационализации стала коммерциализация высшего образования. А представители Африки, Латинской Америки и Карибского региона полагают, что главный риск — это неравное распределение преимуществ, которые дает интернационализация. Респонденты Ближнего Востока отмечали в первую очередь риск утечки мозгов и потери культурной идентичности, а во вторую — социальные риски.

Уровень финансирования и распределение ресурсов

Ответы, свидетельствующие о полном консенсусе, бывают довольно редко, однако респонденты из вузов

со всего мира почти единогласно отмечали в качестве основного барьера развития интернационализации недостаток финансирования. Эти данные во многом совпадают с теми, которые были получены в результате 3-го Глобального исследования. Однако вопросы, которые глубже зондируют эту проблему, показывают существенно различающиеся точки зрения на доступность финансовых ресурсов для интернационализации. На вопрос о том, как за предшествующие три года изменился общий объем финансирования, специально выделяемого на поддержку международных активностей, большинство респондентов во всех регионах ответило, что их вузы увеличили объем средств, выделяемых на студенческую мобильность. Кроме того, согласно ответам респондентов, во всех регионах, кроме Северной Америки, увеличилось финансирование международных исследовательских проектов.

Кроме того, вузы Африки и Ближнего Востока увеличили финансирование почти половины отмеченных в опроснике направлений интернационализации, а также по десятку дополнительных направлений. Это резко контрастирует с ситуацией в вузах Европы и Северной Америки, большинство респондентов которых отметили, что финансирование увеличилось лишь по 2 из 12 возможных направлений.

Различие подходов вузов разных регионов к стратегиям интернационализации может быть заметно уже на уровне приоритетов в распределении ресурсов, в особенности если посмотреть на формы деятельности, финансирование которых увеличивается. Так, вузы Африки, Азии, Ближневосточного и Тихоокеанского регионов больше инвестируют в маркетинг и продвижение на международном образовательном рынке, в то время как вузы Латинской Америки и Карибского региона фокусируются на исходящей студенческой и академической мобильности. Эти данные в полной мере соответствуют обозначенным вузами приоритетам и проблемам, которые они отмечали в других частях исследования.

Неоднозначная картина

Важно иметь в виду, что результаты такого обширного исследования на самом деле гораздо шире, чем несколько ключевых выводов. Это исследование ассоциации, так же как и предыдущие, представляет данные по измерению многих аспектов интернационализации, сравнивает результаты в различных регионах мира и анализирует динамику. Этот доклад охватывает широкий круг вопросов, связанных с интернационализацией, таких как создаваемая вузами поддерживающая инфраструктура, ожидаемые выгоды и положительные результаты, основные движущие силы и барьеры интернационализации, модели и цели институциональной мобильности, а также вопросы, связанные с изменениями в учебной программе и результатах учебной деятельности.

Великобритания становится менее привлекательной для иностранных студентов

Саймон Марджинсон

Саймон Марджинсон — профессор международного высшего образования в Институте образования Лондонского университета, Великобритания. E-mail: S.Marginson@ioe.ac.uk.

Долгое время Великобритания была чрезвычайно привлекательной страной для иностранных студентов. Это стало причиной того, что так же, как и австралийский сектор высшего образования, британские вузы, начиная от небольших колледжей и заканчивая престижными крупными университетами, оказались в значительной степени зависимыми от международных студентов.

В 2011-2012 годах Университет Манчестера принял 8875 студентов из стран, не входящих в Европейский союз, в основном из Азии, которые платят за обучение гораздо больше, нежели студенты из стран ЕС (для них стоимость обучения в британских вузах не отличается от стоимости обучения в странах, из которых они приезжают), тем самым обеспечивая заработок для британских вузов. Лондонский университетский колледж принял в том же году 7565 студентов из стран, не входящих в ЕС, Эдинбургский университет — 6045, а Оксфорд — 4685. Для 81 британского вуза деньги, которые приносят иностранные студенты, составляют более 10% годового дохода. В общей сложности плата за образовательные услуги и другие расходы студентов во время обучения приносят стране более 20 млн фунтов стерлингов в год.

Отрицательная динамика

Однако после длительного периода роста в английских вузах количества иностранных студентов очной формы обучения из стран, входящих и не входящих в ЕС, в 2012-2013 годах зафиксировано снижение их численности на 1,4%. Например, количество студентов из стран ЕС на коротких по времени, но очень прибыльных одногодичных магистерских программах в области бизнеса уменьшилось на 8%, а из других стран — на 1%.

Как и предполагалось, приток европейских студентов в Великобританию сократился из-за повышения стоимости обучения до 9000 фунтов в год. Британские вузы стремятся компенсировать снижение доходов за счет привлечения студентов из неевропейских стран, которые по-прежнему приносят большую часть доходов. При этом резкое уменьшение количества студентов из Индии, Пакистана и Бангладеш частично

компенсируется за счет увеличения численности обучающихся из Китая и Гонконга.

Снижение численности иностранных студентов в Великобритании совпало с небольшим ростом количества индийских студентов в Австралии и значительным ростом их количества в США.

Одна из причин такой ситуации состоит в том, что британские власти начали бороться с недобросовестными колледжами и разоблачать распространенные в Индостане мошеннические иммиграционные схемы.

Визы и расходы

Студенческая виза в Великобританию стоит довольно дорого (около 520 долларов США), особенно по сравнению с визой в Соединенные Штаты (360 долларов США) или Канаду (124 доллара США). При этом абитуриенты из стран, не входящих в Европейский союз, должны пройти индивидуальное собеседование — проверку на «благонадежность», а преподаватели обязаны ежемесячно отчитываться о работе таких студентов.

Многие университеты называют нынешний визовый режим не иначе как дискриминационным, раздражающим и обременительным. Согласно оценкам, соблюдение требований визового законодательства обходится британским вузам в 70 млн фунтов в год.

Хуже того, в 2012 году правительство Великобритании, по сути, отменило существовавшие ранее рабочие визы для иностранных выпускников британских вузов, согласно которым те имели право в течение двух лет искать работу в стране, чтобы отбить расходы на обучение. Теперь же, если выпускник хочет остаться в Великобритании, он обязан найти работу с зарплатой не менее 20 600 фунтов в год не позднее чем через четыре месяца после окончания обучения. Для примера: в Австралии выпускники-иностранцы получают постстуденческую рабочую визу сроком от двух до четырех лет, а в Канаде — на три года, что делает эти страны существенно более привлекательными для абитуриентов из-за рубежа.

В общем, международное высшее образование в Великобритании в последнее время страдает от последовательно принимаемых правительством мер, направленных на снижение входящей студенческой мобильности и создание трудностей для студентов, которые хотели бы остаться в стране. Единственная цель такой политики — сокращение притока иммигрантов, поскольку правительство боится потерять свои позиции в глазах антимигрантски настроенного электората.

Политика и иммиграция

Острым дискуссиям по поводу иммиграции в Великобритании не видно конца. В 2010 году правительство Австралии отреагировало подобным образом на антимиграционные настроения и резко сократило выдачу студенческих виз, однако похоже, что в Великобритании эти настроения намного более серьезные.

Основной агент перемен в Англии — Найджел Фараж и его Партия независимости Соединенного Королевства (UKIP), уровень поддержки которой достиг в последнее время 10-20%. Фараж представляет мнение той части общества, которая жалуется на то, что на улице слишком часто слышна иностранная речь, и говорит о том, что Вестминстер игнорирует «простого белого рабочего», которого иммигранты из Восточной Европы уже якобы вытеснили с рынка труда.

Партия независимости укрепила свои позиции, пройдя в Европарламент на выборах 2014 года, и готовится к британским всеобщим выборам 2015 года. Тем временем партии большинства вынуждены отстаивать свои взгляды по вопросам миграции и членства страны в Евросоюзе.

Правительство Дэвида Кэмерона пообещало провести референдум, посвященный членству Соединенного Королевства в ЕС, и снизить количество прибывающих мигрантов с 213 000, как это было в 2013 году, до не более чем 100 000 в год. При этом иностранные студенты составляют почти 40% всех мигрантов.

Согласно опросам, британцы больше озабочены притоком беженцев и нелегалов, чем иностранных студентов, но при этом влиять на снижение численности иностранных студентов — самый простой способ повлиять на общее снижение численности мигрантов.

В обществе растет озабоченность тем, как подобная политика отразится на экспортной выручке, экономической жизнедеятельности университетов и оттоке талантливых молодых кадров — например, из таких сфер, как естественные и инженерные науки или математика. Английский совет по вопросам финансирования высшего образования (HEFCE) в своем недавнем отчете о тенденциях в изменении числа

В общем, международное высшее образование в Великобритании в последнее время страдает от последовательно принимаемых правительством мер, направленных на снижение входящей студенческой мобильности и создание трудностей для студентов, которые хотели бы остаться в стране.

иностранных студентов в Великобритании пришел к неутешительным выводам: «Наблюдаемый сейчас спад, пришедший на смену длительному периоду роста, указывает на то, что привлечь международных студентов станет отныне сложнее. Поскольку сфера высшего образования все в большей степени глобализуется, очевидно, что конкуренция между странами только возрастет...»

По мнению HEFCE, наличие «благоприятной атмосферы для развития сотрудничества с другими странами в сфере научного, образовательного и информационного обмена» и будет определять, «сможет ли Англия сохранить свое положение ключевого игрока на глобальном рынке высшего образования».

Иными словами, необходимо снова распахнуть двери — или стране будет нанесен долгосрочный серьезный ущерб. Однако политическую повестку дня сейчас определяет UKIP. Лучшим выходом на данный момент было бы вообще не учитывать иностранных студентов при определении миграционной политики, и этого требуют уже по меньшей мере семь парламентских комитетов Палаты представителей и Палаты лордов.

.....

Частное высшее образование в Великобритании: мифы и реальность

Стив Вудфилд

Стив Вудфилд — старший научный сотрудник, офис ректора Кингстонского университета в Лондоне, Великобритания. E-mail: s.woodfield@kingston.ac.uk

Негосударственный сектор высшего образования в Великобритании по-прежнему достаточно невелик: в 2011-2012 годах в частных вузах обучалось около 160 000 студентов против 2,3 млн в вузах, получающих государственное финансирование. Согласно полученным недавно данным, всего в стране 674 негосударственных вуза, причем большинство студентов частного сектора приходится на несколько относительно крупных образовательных учреждений, сосредоточенных преимущественно в Лондоне или его пригородах. Многие частные вузы — это либо довольно новые заведения, либо те, что прошли реструктуризацию, инициированную правительством с целью поощрения экспансии университетов и увеличения приема.

Миф №1: частных вызов мало

Строго говоря, согласно критериям ОЭСР все британские вузы являются частными, несмотря на то что большинство университетов и колледжей получают финансирование из государственного бюджета.

Те вузы, которые управляются частным образом и не получают государственного финансирования на регулярной основе, правительство определяет как «альтернативные образовательные организации», а сами такие вузы предпочитают называть себя «независимыми». Управление высшим образованием в Великобритании децентрализовано, и в каждой из четырех частей королевства государственное финансирование распределяется независимыми советами. Требования этих советов к вузам и механизмы регулирования их деятельности существенно различаются.

Миф №2: частные вузы представляют собой однородную группу

Частные вузы в Великобритании значительно отличаются друг от друга целями, формой собственности, размером, предметными областями, типом студентов, стоимостью обучения и уровнем образовательных программ. В целом британские независимые вузы можно разбить на четыре основные группы: вузы первой группы имеют право присваивать свои собственные степени (аккредитованные вузы); студенты — граждане Великобритании и ЕС из вузов, входящих во вторую группу, имеют право претендовать на государственную финансовую поддержку на изучение определенных курсов; вузы третьей группы имеют право выдавать научные степени только в партнерстве с другими аккредитованными организациями; в четвертую группу входят иностранные вузы, выдающие небританские дипломы, но о них известно очень мало. Кроме того, независимые вузы предлагают образовательные программы профессионального образования (не ведущие к получению научной степени), результаты которых оценивают частные компании, такие как Pearson, EdExcel и др. Наибольшей в независимом образовательном секторе является третья группа вузов. В основном это маленькие институты (как прибыльные, так и некоммерческие), предоставляющие программы профессионального образования (например, в сфере бизнеса, прикладных искусств/дизайна, права, бухгалтерского дела, информационных технологий).

«Элитных» частных вузов в Великобритании нет. Некоторые аккредитованные частные вузы в меньшей степени подотчетны властям, нежели другие, и ежегодно принимают вплоть до 5000 студентов, большинство из которых граждане Великобритании, и предлагают довольно широкий выбор образовательных программ, а иногда даже занимаются фундаментальными и прикладными исследованиями. В настоящее время в Великобритании шесть аккредитованных независимых вузов, четыре некоммерческих частных вуза (Regent's University London, the University of Buckingham, ifs University College и Ashridge Business School) и два коммерческих (BPP University и University of Law). Коммерческий статус важен лишь с точки зрения налогообложения, хотя миссия вуза (и, соответственно, структуры управления) может измениться в результате каких-либо законодательных изменений.

Миф №3: частный образовательный сектор в Великобритании настолько невелик, что им вообще можно пренебречь

Несмотря на свой небольшой размер, частные вузы играют важную роль: они ориентируются на спрос и предлагают живущим в Великобритании студентам нишевые, легко адаптируемые к новым условиям образовательные программы (в том числе магистерские и аспирантские), причем зачастую дешевле, чем вузы, получающие госфинансирование. Почти две трети студентов частного сектора — это люди старше 25 лет, многие из которых имеют семью и две трети которых параллельно работают. Независимые вузы — это еще и важнейший канал набора иностранных студентов, многие из которых готовы остаться в Великобритании после окончания обучения и выполнять высококвалифицированные работы или продолжать обучение в финансируемых государством вузах.

**...в 2011-2012 годах
в частных вузах обучалось
около 160 000 студентов
против 2,3 млн в вузах,
получающих государственное
финансирование.**

Политические изменения, произошедшие в Великобритании в последние годы, создали оптимальные условия для быстрого роста независимого образовательного сектора. Независимые вузы получают статус университетов и становятся все более привлекательными, в том числе благодаря возможности выделения стипендий для студентов из стран, не входящих в ЕС, а также праву английских и европейских студентов, обучающихся в этих вузах, претендовать на государственный образовательный кредит для изучения определенных курсов (хотя, в отличие от студентов государственных вузов, они могут рассчитывать не на 9000 фунтов в год, а максимум на 6000). Многие независимые вузы быстро наращивают прием студентов (а с 2015/2016 года у них больше не будет ограничений по числу студентов), что отражается и на объеме государственного финансирования высшего образования в целом, поскольку все больше студентов претендуют на образовательные займы и гранты на покрытие расходов на обучение и проживание. Такая экспансия независимых университетов неминуемо будет иметь прямое влияние на государственные вузы, которым придется конкурировать за студентов в условиях более привлекательной стоимости обучения в частном секторе и постепенного снижения госфинансирования.

Миф №4: уровень обучения в частных вузах низкий

Ключевой момент состоит в том, что все британские вузы, имеющие право присуждать научные степени государственного образца, вне зависимости от того, находятся ли они в стране или за рубежом, должны соблюдать национальный Кодекс качества высшего образования Великобритании. Контроль за качеством образовательных программ и надзор за их реализацией осуществляет Агентство по контролю качества высшего образования, а качество программ прикладного бакалавриата контролируют профессиональные организации и государственные органы. Проведенный в 2013 году опрос показал, что 82% студентов, обучающихся в независимых вузах, удовлетворены качеством образования, что вполне сравнимо с ответами студентов государственных вузов.

Существующая нормативно-правовая база в сфере высшего образования обеспечивает качество благодаря строгому контролю за процессом присуждения статуса университета, предоставления права выдачи дипломов государственного образца, возможности предлагать образование в сотрудничестве с другими аккредитованными вузами, имеющими право присуждать дипломы, а также любого незапланированного увеличения численности студентов. Деятельность независимых вузов регулируется аналогичным образом, и это касается в том числе и качества разрабатываемых учебных программ, и финансовой жизнеспособности вуза, и организационной системы управления учреждением.

В отличие от вузов, получающих государственное финансирование, от независимых вузов пока не требуется предоставление отчетных данных, касающихся финансовой деятельности. Кроме того, они не обязаны участвовать в Национальном опросе студентов и измерять удовлетворенность образованием, а также предоставлять абитуриентам так называемый «блок ключевой информации» о вузе, которая обычно используется при принятии решения о поступлении на программу. Однако в связи с постоянными изменениями, вносимыми в нормативно-правовую базу, есть вероятность того, что требования к частным вузам повысятся.

Некоторые частные учреждения вообще стараются быть в тени: они предлагают диплом небританского образца или просто неофициальные дипломы. Есть частные колледжи, которые, по сути, просто продают фальшивые дипломы или принимают фиктивных студентов, однако, скорее всего, более строгий визовый режим постепенно сведет деятельность таких организаций на нет.

Миф №5: частный и государственный секторы не пересекаются

Независимый сектор имеет ряд уникальных характеристик — в основном благодаря его не очень полному соответствию нормативно-правовой базе, системам финансирования и контроля качества, обязательным

для государственных вузов. Тем не менее действующие тенденции ведут к постепенному размытию различий в статусе государственных и частных вузов, т.к. система обеспечения качества предпринимает медленные, но системные действия для того, чтобы адаптировать их. Правительство Великобритании ищет возможности для создания «единого игрового поля» для всех участников сферы высшего образования и стимулирования здоровой конкуренции.

В отличие от вузов, получающих государственное финансирование, от независимых вузов пока не требуется предоставление отчетных данных, касающихся финансовой деятельности. Кроме того, они не обязаны участвовать в Национальном опросе студентов и измерять удовлетворенность образованием, а также предоставлять абитуриентам так называемый «блок ключевой информации» о вузе, которая обычно используется при принятии решения о поступлении на программу.

В 2011 году под заголовком «В основе системы — студенты» (Students at the Heart of the System) был опубликован официальный документ, в котором зафиксировано намерение правительства Великобритании сделать сектор высшего образования открытым для «альтернативных учреждений». Это решение вписывается в общую политику приватизации и внедрения принципов рыночных отношений в высшее образование Англии, которая сконцентрирована вокруг идеи расширения доступа к образованию в условиях сокращения госфинансирования, ориентации образовательных программ на потребности работодателей, усиление экспорта образовательных услуг, повышение эффективности и коммерциализацию образовательной деятельности. Однако правительства Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии не разделяют таких взглядов, поэтому там сектор частного высшего образования по-прежнему мало развит и отделен от государственных вузов.

Государственные вузы часто реализуют различные партнерские проекты с независимыми вузами, например через франшизу или иные способы сотрудничества. Почти 30 государственных вузов работают совместно с частными в сфере реализации программ подготовки иностранных абитуриентов к поступлению в государственные вузы.

Участие частного бизнеса в развитии высшего образования становится все более и более разнообразным. Теперь бизнес участвует не только в реализации образовательных программ, но и в подготовке учебных материалов, поддержке студентов, обеспечении оборудованием для дистанционного обучения (так, например, Laureate Education сотрудничает с Университетом Липерпуля). Государственные вузы тоже нередко прибегают к использованию отдельных сервисов, предоставляемых частными компаниями, например, в вопросах информационных технологий и других услуг. Процесс приватизации и коммерциализации высшего образования в Великобритании набирает обороты и приносит свои результаты, поэтому различия между вузами разных типов будут, скорее всего, стираться во всем, за исключением изначально заложенной миссии — извлечение или, наоборот, неизвлечение прибыли, — которая станет единственным принципиальным отличием между различными частями сектора высшего образования.

Регулирование сектора коммерческого высшего образования в США

Элизабет Меса
Вильям Сумета

Элизабет Меса — аспирант и исследователь Колледжа наук об образовании Вашингтонского университета, Сиэтл, штат Вашингтон, США.

Вильям Сумета — профессор публичной политики и высшего образования Вашингтонского университета. E-mail: zumeta@uw.edu и bapple@uw.edu.

Наш бюллетень регулярно печатает материалы, подготовленные центром PROPHE (Программа по исследованию частного высшего образования), который расположен в Университете Олбани. Более подробно о центре см. <http://www.albany.edu/~prophe>.

Вузы, созданные с целью извлечения прибыли, стали занимать заметную долю рынка высшего образования в США, хотя многие аспекты, связанные с их работой, пока не только плохо изучены, но даже плохо задокументированы. В последние десятилетия скорость

роста этого сектора можно назвать впечатляющей. Еще в 1995 году количество студентов коммерческих вузов было менее 2%. А в 2010 году, согласно данным федеральной статистики, в коммерческих вузах обучались уже 10% американских студентов, или около 2,1 млн человек. Но это довольно консервативный подход к подсчету данных, который учитывает статистику только по подотчетным правительству университетам. Итак, рыночная доля сектора коммерческого высшего образования взлетела с 2,1% в 1996 году (304 000 студентов) до 10% в 2010 году (2 100 000 студентов). В целом федеральную политику в отношении коммерческих вузов можно охарактеризовать как лояльную: обучающиеся в этих вузах студенты имеют право на учебные гранты и образовательные займы от федерального правительства наравне со студентами государственных вузов, и вузы очень активно используют это для привлечения абитуриентов.

Вузы, созданные с целью извлечения прибыли, стали занимать заметную долю рынка высшего образования в США, хотя многие аспекты, связанные с их работой, пока не только плохо изучены, но даже плохо задокументированы.

Некоторые коммерческие вузы недалеко ушли от своих истоков и по-прежнему остаются маленькими заведениями, которые функционируют как небольшой семейный бизнес и ориентируются в первую очередь на предоставление профессионального образования для местных жителей. Другие разрослись до размера гигантских корпораций, деятельность которых иногда даже выходит за пределы США, и предлагают образовательные программы всех возможных направлений и уровней (включая магистратуру и аспирантуру). В последние несколько лет наблюдалось некоторое сокращение сектора, вызванное скандалами вокруг методов рекрутинга студентов, практикуемых коммерческими вузами, а также растущим недоверием к ним общества, которое ругает такие вузы за низкое качество образования и высокий процент студентов, бросающих учебу. Кроме того, состояние рынка труда таково, что многие выпускники не могут найти работу (не говоря уже о том, что как на выпускниках, так и на тех, кто не окончил учебу, висят огромные долги).

Такие претензии привели к увеличению регулятивного давления на деятельность этих университетов со стороны федерального правительства.

Тем не менее можно сказать, что коммерческие вузы сейчас играют более важную, чем раньше, роль в деле удовлетворения интересов общества. Бурный рост этого сектора — это общемировая тенденция, связанная с тем, что правительства многих стран уже не могут удовлетворить спрос на высшее образование только на базе государственных вузов, и США не являются исключением. Также для экономической политики значимым является тот факт, что коммерческие вузы принимают для обучения непропорционально высокую долю представителей разных социальных слоев, которые недостаточно представлены в государственных университетах: национальные меньшинства, студенты из бедных семей, люди старше традиционного студенческого возраста.

Роль стратегий на уровне отдельных штатов

Недавно мы занялись изучением стратегий разных штатов в отношении коммерческих вузов, так как в разных штатах подходы к развитию этого сектора существенно различаются. Традиционно в США именно правительства штатов имеют приоритетную роль в регулировании деятельности вузов, которые там расположены. На сегодняшний день большинство штатов оказывает поддержку коммерческим вузам как минимум в виде финансовой помощи студентам или иными способами. Руководство каждого штата также гарантирует студентам коммерческих вузов соблюдение прав потребителей и/или контролирует качество обучения в соответствии с американскими федеральными стандартами. Более того, в современном высококонкурентном мире у правительств штатов есть веские причины обращать пристальное внимание на то, как устроена система образования, и контролировать качество обучения.

Различия в законодательном регулировании коммерческого высшего образования в разных штатах не задокументированы в полном объеме, поэтому нет возможности оценить их влияние на эффективность работы этого сектора, в т.ч. на динамику приема. Было бы интересно изучить бум коммерческого образования, который пришелся на 2000-2010 годы. Опираясь на различные источники, мы, насколько это было возможно, описали весь спектр стратегий различных штатов в отношении коммерческих вузов. Эти стратегии касаются финансовой поддержки студентов на уровне штата; прямой финансовой поддержки образовательных заведений; динамики стоимости обучения в конкурирующих государственных вузах (в основном в местных колледжах, предлагающих двухгодичные программы обучения); включенности представителей коммерческого сектора в процесс планирования и выработки решений на уровне штата; сбора и распространения информации о

коммерческих вузах; степени законодательного регулирования их работы и контроля за качеством обучения со стороны штата. Опираясь на теоретическую модель подходов разных штатов к сектору частного некоммерческого высшего образования (Zumeta, 1996), мы обнаружили, что можно говорить о различных подходах к коммерческому вузам с точки зрения законодательной, информационной и финансовой политики, а также с точки зрения вовлечения таких вузов в планирование развития высшего образования.

Несмотря на то что нам не удалось собрать данные для проверки нюансов стратегических концептов коммерческого образования в разных штатах, мы выявили, что в целом их можно разделить на две группы. Политику одних штатов можно назвать политикой невмешательства. Другие, наоборот, занимают активную позицию. Одна из ключевых проблем состоит в отсутствии проверенных количественных данных, в связи с чем большая часть нашего исследования основана на неполной, иногда на поверхностной информации, полученной из интернета или в ходе телефонных интервью, а также на данных национальной статистики, собранных для других целей. Мы опирались на определения и данные, которые были доступны и выглядели правдоподобно, а не на качественно изученные параметры. Мы оценили количество студентов коммерческих вузов, которые официально являлись жителями того же штата, где расположен конкретный вуз, за 2000 и 2010 годы (то есть мы исключали студентов дистанционных и заочных программ, в случае если штат, в котором проживает студент, определить нельзя) и можем с уверенностью сказать, что в штатах, которые ведут активную политику в отношении коммерческих вузов, довольно высокая плотность населения, в них выше доля студентов коммерческих вузов и более развитое законодательное регулирование их деятельности. В штатах, ведущих политику невмешательства, прием в коммерческие вузы заметно ниже. При этом рост численности студентов коммерческих вузов (по крайней мере в период с 2000 по 2010 год) не зависел от плотности населения и уровня безработицы в конкретном штате, хотя на сектор государственного и некоммерческого частного высшего образования эти показатели оказывают существенное влияние.

Опираясь на различные источники, мы, насколько это было возможно, описали весь спектр стратегий различных штатов в отношении коммерческих вузов.

Причинно-следственные связи

Можно прийти к заключению, что, как мы изначально и предполагали, стратегия штата оказывает некоторое влияние на увеличение приема в коммерческие вузы. Однако есть и другой вариант. Возможно, причинно-следственные связи устроены ровно наоборот, и естественный рост численности студентов является первопричиной того, что Дэниел К. Леви называет ростом «реактивной регуляции» (то есть активной политики). Естественно, с ростом этого сектора законодатель начинает испытывать все большую ответственность (и политическое давление) за его функционирование и начинает контролировать его более тщательно (с точки зрения качества образования или хотя бы соблюдения прав потребителей) или же просто хочет наилучшим образом использовать образовательный потенциал этих вузов для достижения новых экономических целей штата. Безусловно, частные вузы, как коммерческие, так и некоммерческие, в случае если они предоставляют качественные образовательные услуги, играют важнейшую роль, удовлетворяя потребности штата и решая национальные задачи, т.к. они способствуют расширению слоя образованных трудоспособных кадров в стране. Таким образом, можно зафиксировать необходимость лучше изучить систему регулирования коммерческого образования и результаты ее деятельности. Конечно, число студентов — это всего лишь легко оцениваемый показатель спроса на высшее образование, но далеко не единственный и, вероятно, не самый важный.

.....

Частное высшее образование в Африке: проблемы и противоречия

Луиза Морли

Луиза Морли — профессор Центра исследований высшего образования и равенства, Университет Сассекса, Великобритания. E-mail: l.morley@sussex.ac.uk/education.

Утверждать, что все проблемы, связанные с качеством высшего образования в странах с низким уровнем доходов, сосредоточены исключительно в частном образовательном секторе, было бы неправильно. Рост системы в условиях недофинансирования, недостаток материальных и человеческих ресурсов — все это характерно и для государственных вузов. Однако в данный момент предлагаем сосредоточиться на быстро

растущем во всем мире частном секторе. В связи с тем что в получении высшего образования заинтересовано все больше людей, а финансовые возможности ограничены, многие государства больше не справляются со спросом — и здесь как в развивающихся, так и в постиндустриальных странах в игру вступает частный сектор, который таким образом увеличивает «пропускную способность» образовательной системы. Рыночная идеология частных вузов часто воспринимается как противоречащая самой идее образования как общедоступной ценности. Противники частного высшего образования опасаются, что оно принесет еще больше дивидендов элите общества и сделает еще более социально изолированной другую его часть. Они фокусируются на таких потенциально опасных тенденциях, как превращение знания в товар, изменение этической и ценностной основы высшего образования, потенциальное снижение ответственности государства, появление таких последствий развития частного высшего образования, как снижение стандартов качества и увеличение числа лжеуниверситетов, деятельность которых сложно регулировать на законодательном уровне. Как полагают критики, рост частного сектора угрожает разнообразию в обществе и идее равных возможностей, поскольку потенциально снижает возможность получения образования студентами из семей с низким социально-экономическим статусом.

Расширение сектора высшего образования в Танзании и Гане

Результаты проведенного недавно эмпирического исследования «Расширение сектора высшего образования в Танзании и Гане» (Widening Participation in Higher Education in Ghana and Tanzania; <http://www.sussex.ac.uk/wphegt/>) показывают противоречивость роли частных вузов в расширении доступа к высшему образованию. Объектом изучения в данном комбинированном исследовании стали два государственных и два частных университета. Было проведено 200 интервью со студентами, посвященных их опыту обучения в начальной и средней школе и в вузе, а также их дальнейшим планам и мечтам, а также 200 интервью с сотрудниками и руководителями университетов, которых спрашивали о барьерах и возможностях для нетрадиционных студентов. В результате были собраны статистические данные, на основе которых была построена теоретическая модель социокультурных аспектов высшего образования в Танзании и Гане. Основными выделенными факторами неравенства стали пол, социоэкономический статус и возраст.

Одним из неожиданных результатов исследования явилось понимание того, что представления студентов и сотрудников частных вузов о качестве и стандартах обучения кардинальным образом отличаются. Если сотрудники отмечали качество и разнообразие доступных ресурсов и инфраструктуры, то многие студенты, наоборот, указывали на плохую обеспеченность

информационными технологиями и недостаток библиотечных ресурсов. Студенты также жаловались на массовизацию высшего образования, говоря о курсах, которые посещают 800-1000 слушателей одновременно. Недостаточность пространства ведет к когнитивным трудностям, говорят студенты, ссылаясь на то, что такое соотношение между числом преподавателей и студентов снижает их возможности полноценно учиться и участвовать в аудиторной работе.

Если одни студенты частных вузов говорили о том, что это второсортные учебные заведения, оказывающие второсортные услуги, то другие, наоборот, радовались, что получили возможность, которую государство не смогло им предоставить.

Наибольшую озабоченность вызывает оценка знаний. Говоря об этом, многие студенты употребляли термины «нестабильность» и «несправедливость». Они отмечали, что преподаватели злоупотребляют своей властью и что процесс выставления оценок не обходится без элементов коррупции, эксплуатации, сексуального насилия. К примеру, отсутствие системы контроля качества обучения и двойной проверки знаний приводит к тому, что некоторые нечистоплотные преподаватели предлагают улучшить оценку в обмен на деньги или сексуальные услуги. Несмотря на то что студенты платят за обучение в частных вузах, они, по сути, лишены базовых потребительских прав, включая право знать критерии оценивания, право заключать соглашение о гарантированном уровне обслуживания, право на апелляцию. Они жаловались на то, что никогда не могут точно узнать, почему получили ту или иную оценку, а если и пытаются получить какие-то объяснения, их отправляют писать официальную жалобу. Те же, кто хотел написать жалобу, выясняли, что не существует ни формы заявления, ни процедуры рассмотрения жалоб. Студенты также рассказывали о том, что расписание сессии составляется настолько хаотично, что иногда получается — надо сдать два письменных экзамена в одно и то же время,

а это, конечно, невозможно. Кроме того, оказалось, что финансовые соображения ставятся во главу учебного процесса. Так, несколько студентов не были даже допущены к экзаменам из-за того, что они не успели вовремя оплатить учебу.

Плюсы и минусы

Если одни студенты частных вузов говорили о том, что это второсортные учебные заведения, оказывающие второсортные услуги, то другие, наоборот, радовались, что получили возможность, которую государство не смогло им предоставить. Последние считают, что лучше уж получить высшее образование так, чем никак, потому что таким образом они смогут «кем-то стать», повысить свой статус и в долгосрочной перспективе улучшить свое материальное положение. Особенно часто так отвечали студенты из малообеспеченных, отдаленных районов, для которых университет — это способ выбраться из бедности. В двух изучавшихся частных вузах, по сравнению с двумя государственными, также больше девушек и немолодых студентов. Это наблюдение поднимает вопрос о том, что, возможно, частные вузы предоставляют больше возможностей тем социальным группам, доступ которых к высшему образованию был традиционно затруднен. А может быть, проблема в том, что студенты с низким социальным статусом отправляются в заведомо менее престижные вузы.

Развитие частного сектора также ставит вопрос о ценности — ценности денег и ценности студентов. Что представляют собой частные вузы в первую очередь — рыночный сектор, который наращивает свой потенциал благодаря тому, что хорошо улавливает потребности общества и следует за ними, или сферу, которая одновременно открывает людям новые возможности и эксплуатирует их? Похоже, что в странах, где высшее образование получает не более 1% населения, сам статус студента университета — даже если это частный университет — обладает таким символическим значением, что он компенсирует все недостатки обучения в частном вузе. Многие студенты, обучающиеся в частном секторе, происходят из семей с низким социально-экономическим статусом и уже имели неудачный опыт общения с государственной образовательной системой. Однако проблема в том, что многие частные университеты не соблюдают даже минимальных стандартов работы, а студенты там не имеют никаких прав, включая право на минимальный гарантированный уровень обслуживания. Такая ситуация требует незамедлительных перемен, потому что этот замкнутый круг бедности, низких ожиданий от вузов и некачественного образования должен быть разорван.

Африканская академическая диаспора и африканское высшее образование

Ким Фаулдз
Пол Тиямбе Зелеза

Ким Фаулдз — координатор Стипендиальной программы им. Карнеги для представителей африканской диаспоры. E-mail: kimberly.foulds@quinnipiac.edu.

Пол Тиямбе Зелеза — вице-президент по академическим вопросам, Квиннипиацкий университет, г. Хемден, штат Коннектикут, США. E-mail: paul.zeleza@quinnipiac.edu.

В обсуждениях, связанных с африканской академической диаспорой, четко выделяется доминирующая тема превышения расходов над доходами: речь о том, что, теряя лучшие умы, африканский континент несет широкомасштабные убытки. Однако акцент на этом бросает тень на обширные и часто инновационные связи с зарубежными институтами и школами, которые африканская академическая диаспора приобретает по всему континенту, — связи, которые помогают выстраивать и развивать межличностное и научное взаимодействие. Эти связи, в основном неформальные, но иногда и формальные в рамках индивидуальных и институциональных договоренностей, как правило, не учитываются, когда речь заходит об интернационализации, потому североамериканские и европейские университеты не рассматривают африканские вузы в качестве достойных партнеров для институционального сотрудничества. Они смотрят на африканские вузы свысока, несмотря на их интенсивную академическую деятельность и большие усилия, направленные на производство новых знаний.

Африканская академическая диаспора

Совсем недавно Пол Тиямбе Зелеза провел исследование «Взаимодействие африканской академической диаспоры США и Канады с африканскими вузами: перспективы для Северной Америки и Африки» (Engagements between African Diaspora Academics in the U.S. and Canada and African Institutions of Higher Education: Perspectives from North American and Africa, изд. Carnegie Corporation of New York, февраль 2013 г.), которое позволило описать африканскую академическую диаспору в США и Канаде и пролить свет на существующее взаимодействие представителей североамериканской африканской диаспоры с африканскими вузами. Согласно полученным данным, количество ученых, родившихся в Африке, но живущих в Канаде или США, в последние три десятилетия быстро увеличилось — частично по причине негативных эконо-

мических реформ и политических репрессий, которые происходили в африканских странах и университетах в 1980-1990-е годы. Многие представители африканской академической диаспоры поддерживают устойчивые, хотя и, как правило, неформальные контакты с коллегами и/или вузами по всей Африке. Проводя совместные исследования, разрабатывая учебные курсы и программы, руководя работой аспирантов, они часто сталкиваются с институциональными барьерами и просто недоверчивым отношением со стороны коллег по обе стороны Атлантики. Основными препятствиями являются различия между ожиданиями, доступными ресурсами, академическим статусом, преподавательской нагрузкой, институциональными приоритетами и необходимость каким-то образом наладить взаимодействие между вузами, живущими по разному академическому расписанию. Как показало исследование, традиционные обмены преподавателями не могут помочь преодолеть эти препятствия.

Последние достижения

В последнее время предпринимается довольно много усилий, направленных на преодоление этих разрывов и поддержку включения африканских университетов в международное сотрудничество. Много делается по инициативе или при поддержке благотворительных организаций. Наиболее известный пример — проект «Партнерство за высшее образование в Африке», который объединил усилия сразу семи фондов (Carnegie Corporation of New York, Ford, Rockefeller, MacArthur, Hewlett, Mellon и Kresge). В 2000-2010 годах они вложили 440 млн долларов США в модернизацию африканских университетов. При этом из виду часто упускается, что академические диаспоры обладают огромным потенциалом для решения всех поставленных задач, в частности в области интернационализации. Большое количество литературы посвящено роли диаспоры в развитии экономики своих стран (в виде инвестиций и частных денежных переводов), тогда как ее роль в развитии науки и образования, в том числе университетов, пока практически не изучена. Тем не менее ученые-эмигранты представляют собой богатейший источник интеллектуальных инвестиций.

Стипендиальная программа им. Карнеги для представителей африканской диаспоры

Существующая модель обмена преподавателями довольно статична и представляет собой двух- или трехуровневую систему, куда входят принимающий(ие) университет(ы), отправляющий(ие) университет(ы) и организация-спонсор. Как показало исследование Пола Зелезы, благодаря реализации Стипендиальной программы им. Карнеги для представителей африканской диаспоры появилась и новая модель взаимодействия. Эта программа реализуется благодаря беспрецедентному партнерству четырех организаций: Carnegie Corporation of New York обеспечивает

финансирование, Международный институт образования — логистику, Квиннипиацкий университет оказывает административную поддержку, а стратегические задачи решает Консультативный комитет, куда входят ведущие африканские ученые и представители руководства ряда африканских и североамериканских вузов. Программа задумывалась как плацдарм для развития межуниверситетских связей между американскими, канадскими и африканскими вузами. Несмотря на то что американские и канадские вузы долгое время не обращали внимания на Африку как на территорию передовых исследований и производства дисциплинарных знаний, сам континент — его студенты, исследователи и вузы — больше не может игнорироваться американскими и канадскими университетами, которые призваны создавать условия для появления исследователей и студентов мирового класса.

Программа сфокусирована на трех ключевых задачах: интенсификация сотрудничества в области исследований; совместная разработка учебных программ с участием ученых — выходцев из Африки, американских вузов, в которых они работают, и африканских университетов и преподавателей; и, наконец, развитие программ аспирантуры и наставничества. В рамках этого проекта, в отличие от других программ академического обмена, развитием структуры обмена и привлечением представителей диаспоры к развитию высшего образования в Африке будут заниматься африканские вузы. Вузы Ганы, Кении, Нигерии, Танзании, Уганды и ЮАР смогут подать заявку на привлечение к своей работе в рамках одной из трех заявленных ключевых областей ученого — представителя диаспоры, а также рассчитывать на помощь в нахождении специалиста в определенной научной области.

Многие представители африканской академической диаспоры поддерживают устойчивые, хотя и, как правило, неформальные контакты с коллегами и/или вузами по всей Африке.

Цель программы заключается в том, чтобы создать условия, при которых африканские вузы будут основными действующими лицами в определении собственных потребностей и возможностей для вовлечения

внешних ресурсов, а также в том, чтобы предоставить возможность африканским ученым-эмигрантам и африканским вузам выстроить и расширить научное взаимодействие. Утечка мозгов — опасное явление сегодняшнего дня, поэтому вовлечение африканской академической диаспоры и развитие программ международного обмена и научного сотрудничества имеют большой потенциал для интернационализации и укрепления позиций африканских университетов и повышения их включенности в глобальное академическое пространство.

.....

Китай: реформа «гаокао» (национальной системы всеобщих выпускных экзаменов)

Джерард А. Постильоне

Джерард А. Постильоне — заведующий кафедрой социологии и образовательной политики, младший проректор по научной работе, директор Центра китайской науки и образования при факультете образовательных наук Гонконгского университета, Кумай. E-mail: postiglione@hku.hk.

Китайскую национальную систему всеобщих выпускных экзаменов — «гаокао», результаты которых играют решающую роль для китайских абитуриентов, претендующих на получение высшего образования, ожидает очередная реформа. Помимо реформы экзамена по английскому языку предстоит еще ряд изменений, которые связаны с экономическим развитием Китая. В этом смысле «гаокао» можно считать своего рода барометром, отражающим все задачи, стоящие перед растущей экономикой Китая, и их влияние на стремительно расширяющуюся национальную систему высшего образования.

«Истину ищи в фактах» (китайский афоризм)

Факт номер один: из 7 млн человек, окончивших вуз в мае 2013 года, лишь половине удалось найти работу к моменту получения диплома. Многие выпускники вынуждены устраиваться на работу, не соответствующую их квалификации, а полученные ими знания часто не соответствуют требованиям рынка труда. Китай — страна, которая до сих пор является в большей степени аграрной, нежели индустриальной, и многие семьи идут на большие жертвы, для того чтобы дать детям высшее образование. Поэтому, конечно, родители приходят в замешательство, если ребенок, успешно сдавший выпускные экзамены и поступивший в университет, не может потом найти хорошую работу.

Факт номер два: каждый год на рынок труда выходит 17 млн человек — выпускников вузов и школ, но в госкомитете по делам планирования опасаются, что страна будет испытывать недостаток талантов, особенно в технической сфере. И хотя к 2020 году в Китае будет занято почти 200 млн человек с высшим образованием, экономике будет необходимо больше интеллектуальных ресурсов для того, чтобы улучшить производственно-сбытовую цепь в таких сферах, как информационные технологии, производство оборудования, биотехнологии, создание новых материалов, воздухоплавание и космонавтика, океанография, бухгалтерия и финансы, международный бизнес, защита окружающей среды, энергетическая отрасль, сельскохозяйственные технологии и транспорт. Устойчивый экономический рост возможен только в том случае, если Китай сумеет перестать быть зависимым от производств, связанных с поточной сборкой, которые используют дешевую рабочую силу и ориентированы на экспорт. Несмотря на то что в Китае работают первоклассные ученые, модернизация промышленного сектора невозможна без привлечения еще большего числа высококвалифицированных технических специалистов. С одной стороны, существует недовольство тем, что сложившаяся система обучения не поощряет инициативность и инновационное мышление, с другой — на рынке наблюдается спрос на профессионалов с высшим образованием, которые могут поддерживать наращиваемые производственные мощности.

Факт номер три: студенты и их родители по-прежнему воспринимают высшее техническое образование как образование второго сорта. Эту точку зрения трудно сломить, т.к. хорошее высшее образование традиционно отождествляется с получением впоследствии стабильной работы в каком-нибудь государственном учреждении.

В преддверии реформ

Итак, правительство Китая должно вскоре объявить план реформы «гаокао». Уже известно, что после реформы экзамен будет предусматривать два различных модуля: один — для молодых людей, склонных к техническим наукам, другой — для тех, кому ближе более традиционные академические направления. Сдав технический вариант «гаокао», можно будет поступить в один из 600 колледжей и университетов технического и профессионального обучения.

Технический вариант «гаокао» ориентирован на выпускников, имеющих технические наклонности, тех, кто хотел бы стать инженером, старшим механиком и так называемым высококвалифицированным рабочим. Он будет оценивать как технические навыки, так и теоретические знания. Второй, более традиционный вариант «гаокао» будет оценивать академические знания.

600 вузов, которые будут принимать результаты технического «гаокао», будут определены Министер-

ством образования и составят половину всех государственных вузов страны. Этим вузам будет предложено реструктурировать учебные планы и трансформировать их из академических в прикладные и профессиональные.

Чем больше у студентов выбора, тем выше устойчивость общества

В правительстве надеются, что реформа «гаокао» будет способствовать продвижению Национального плана по развитию кадрового потенциала и Национального плана по реализации средне- и долгосрочных образовательных реформ. Естественно, новая реформа «гаокао» отразится на всей китайской системе высшего образования, однако выбор остается за выпускниками. Необходимость принятия решения о том, какой вариант «гаокао» сдавать, означает, что их жизненный выбор будет сделан уже в 16 лет, когда они учатся в старшей школе. Есть основания полагать, что большое число выпускников действительно предпочтет технический вариант «гаокао», потому что многие семьи еще до начала реформы заметили изменения, происходящие на рынке труда, которые состоят в том, что специалисты технических специальностей легко находят работу, в то время как выпускники гуманитарных вузов борются за то, чтобы хоть как-то закрепиться на рабочем месте.

Возможность трудоустройства является решающим доводом для страны, которая дорожит гармоничным обществом и с беспокойством следит за развитием событий в Таиланде, Мьянме и на Украине (не говоря уж о набирающем силу тайваньском студенческом движении).

...правительство Китая должно вскоре объявить план реформы «гаокао». Уже известно, что после реформы экзамен будет предусматривать два различных модуля: один — для молодых людей, склонных к техническим наукам, другой — для тех, кому ближе более традиционные академические направления.

Слишком большая доля хорошо образованной безработной молодежи может создать существенные проблемы и стать источником дестабилизации, причем произойти это может быстро и неожиданно.

Различные модели

После многолетнего изучения американской системы двухгодичных муниципальных колледжей, призванных частично удовлетворять растущий спрос на высшее образование, китайцы склонились к немецкой модели технического профессионального образования. Лишь ведущие китайские университеты по-прежнему ориентируются на знаменитые американские вузы как на источник идей о создании исследовательского университета мирового уровня. В остальном же китайцы действуют уже без оглядки на США. Им нужны высококвалифицированные инженеры, механики и прочие специалисты, которые имели бы образование, выходящее за рамки хорошо отработанных практических навыков, а также обладали более высоким уровнем экспертных и академических знаний.

Чтобы реформа завершилась удачно, необходимо преодолеть несколько проблем. Во-первых, грядущее преобразование 600 государственных университетов местного значения в высшие технические и профессиональные вузы существенно изменит дифференциацию и стратификацию всей структуры высшего образования. Это крупная реформа, успех которой всецело зависит от внешней эффективности и которая должна быть согласована с меняющимся рынком труда. Короче говоря, результатом реформы должно стать появление новых рабочих мест и повышение качества промышленного производства.

Во-вторых, эта реформа должна выкорчевать глубоко укоренившиеся представления о том, что высшее образование — это только академические штудии. Это нелегко везде, но особенно в Китае, где понятие образования представляет одну из важнейших конфуцианских ценностей, изменивших мир, но при этом не имеет отношения к профессионально-техническому образованию. Однако есть и некоторые основания для оптимизма: согласно данным Министерства образования, в 2013 году 1,4 млн абитуриентов собирались поступать на профессионально-технические программы. Только в Шанхае они составили 15% от всех выпускников школ 2013 года.

Одна из проблем, которые необходимо решить в рамках этой реформы, — не только изменение представлений людей о превосходстве традиционного академического образования, но и переоценка культурного капитала, который общество и работодатели приписывают обладателям профессионально-технического диплома. Если получение такого диплома останется пределом мечтаний для студентов из сельских районов, мы рискуем получить еще более стратифицированное общество с жестким разделением города и деревни. Студентов из бедных аграрных регионов,

которые приезжают в лучшие китайские университеты, становится все меньше, и можно ожидать, что учителя и чиновники от образования будут подталкивать сельских школьников к техническому «гаокао». Чтобы повысить число студентов из бедных регионов в ведущих вузах, в 2014 году Министерство образования решило увеличить квоту до 50 000 мест (с 30 000 в 2013 году) для выходцев из десяти центральных и западных провинций страны. Министерство также рекомендовало лучшим вузам, которые имеют значительную автономию в вопросе отбора абитуриентов, принять аналогичные меры.

Системные переменны в Китае

Цян Чжа
Чуань Ван

*Цян Чжа — доцент факультета образовательных наук Йоркского университета, Торонто, Канада.
E-mail: qzha@edu.yorku.ca.*

Чуань Ван — постдок в Институте образования при Университете Цинхуа, Пекин, Китай.

С конца 1990-х годов весь мир с удивлением наблюдал за стремительным ростом китайской системы высшего образования. К настоящему времени китайская система образования стала настолько иерархичной, что возникают серьезные сомнения в том, что образование по-прежнему может способствовать развитию социальной мобильности. Не секрет, что среди выпускников малопрестижных вузов более 30% не могут найти работу, а ведущие вузы постоянно слышат обвинения в том, что они возвращают «утонченных эгоистов». Теперь, когда период интенсивного расширения закончился, очевидно, китайская система высшего образования должна сфокусироваться на задачах, связанных с повышением социальной мобильности (восприятием этой задачи и ее реализацией) и полезности диплома. И подобные изменения действительно уже происходят в китайском высшем образовании.

Текущие изменения в китайской системе высшего образования

Как ни парадоксально, верхнюю позицию в сложившейся иерархии занимает тенденция возвращения к централизации. В 1990-е годы китайские вузы проходили процесс децентрализации: 250 университетов вышло из-под юрисдикции центральных министерств и перешло под юрисдикцию региональных правительств. Расширение системы высшего образования

в 1990-х происходило в первую очередь за счет интенсивного появления вузов местного значения. Всего было открыто около 500 новых университетов, часть из них — это результат слияния и реструктуризации существовавших ранее небольших местных колледжей, а часть — совершенно новые колледжи профессионально-технического образования и частные институты. Вследствие этого доля национальных университетов в системе высшего образования Китая сократилась, и теперь они составляют лишь 6,6% от общего числа вузов. В 2010 году в них обучалось 8,7% от общей численности студентов. В 1989 году эти показатели составляли 32,8% и 43,9% соответственно. Таким образом, на сегодняшний день подавляющее большинство вузов Китая — вузы местного значения (93,4%), в которых в 2010 году обучалось 91,2% всех китайских студентов. Эти изменения в сочетании с реализацией проектов по созданию элитных университетов, таких как Проект 985 и 211, приводят к тому, что китайская система высшего образования становится все более иерархичной.

В 2004 году Министерство образования Китая (МО) совместно с правительствами ряда провинций запустило новую инициативу по финансовой поддержке отдельных групп региональных вузов, расположенных, в частности, в тех провинциях, где нет ни одного национального университета. Отобранные в рамках этой программы вузы обрели более высокий статус (по аналогии с национальными университетами, которые подчиняются напрямую МО) и стали получать дополнительные ресурсы из министерского бюджета и поддержку в вопросах стратегического планирования. К настоящему моменту таких региональных вузов, получивших статус полунациональных, уже 35. Некоторые другие центральные ведомства (Министерство сельского хозяйства, Министерство культуры, Министерство промышленности и информационных технологий, Министерство транспорта, Министерство водных ресурсов и т.д.) последовали этому примеру и стали сотрудничать с правительствами провинций, благодаря чему еще почти 100 университетов и колледжей получили дополнительную поддержку. Большинство этих вузов ранее подчинялись центральным министерствам, а в 1990-е годы перешли под региональный контроль. Теперь же происходит в некотором роде процесс децентрализации. В результате количество национальных и полунациональных университетов в совокупности практически вернулось к додецентрализованному уровню.

Значительные изменения происходили также и на местном уровне. Появились сотни новых региональных вузов, в разы увеличился прием. Сначала эти вузы вместе с быстро растущими профессиональными колледжами и частными институтами просто копировали образовательные программы и курсы, предлагаемые известными университетами, и тем самым сыграли большую роль в увеличении количества абитуриентов. Однако вскоре наступили непростые времена.

Для того чтобы гарантировать обществу качество образовательных программ и курсов, Министерство образования ввело в этих новых университетах процедуру регулярной оценки и сравнения их с давно существующими университетами с хорошей репутацией. Такой подход не только оказывал на них огромное давление, но и втянул в совершенно бесперспективную конкурентную борьбу с университетами, имеющими долгую историю и сложившуюся репутацию. Хуже того, такая конкуренция очень быстро отразилась на выпускниках этих вузов, вышедших на рынок труда. Они часто проигрывали в конкурентной борьбе выпускникам признанных старых университетов и даже выпускникам профессиональных колледжей и частных университетов за счет нерелевантности образовательных программ, на которых они обучались, и полученных навыков. В результате многие новые университеты сейчас работают над изменением учебных планов и образовательных программ и предпочитают называть себя на немецкий манер *Fachhochschule* — университетами прикладных наук.

Не секрет, что среди выпускников малопрестижных вузов более 30% не могут найти работу...

Для того чтобы поддержать происходящие трансформации, в 2013 году Министерство образования инициировало новый проект, нацеленный на реформирование ряда китайских вузов в университеты, схожие с европейскими университетами прикладных наук, и одобрило создание национального альянса таких вузов. Учитывая, что университеты этого типа — новое явление как для образовательных политиков, так и для практиков, альянс служит своего рода каналом по изучению европейского опыта и вариантов его применения в китайских условиях. За короткое время членами альянса стали более 150 университетов. Попытки таких «коллективных действий» были и раньше, но на региональном уровне. Например, в центральной провинции Аньхой подобный консорциум, в который вошло 16 университетов из 33 расположенных в регионе, появился еще в 2008 году. Вошедшие в консорциум университеты помогали друг другу адаптировать немецкую модель *Fachhochschule* под местные реалии. Среди новых региональных вузов сформировался определенный консенсус, который состоит в том, что они должны идти по альтернативному по сравнению с традиционными университетами пути и сосредоточиться на разработке учебных программ и курсов в области прикладных наук. Они рассматривают такой

подход как возможность повысить свою конкурентоспособность в привлечении студентов и увеличить их шансы на трудоустройство.

Появление в Китае сектора университетов прикладных наук

Вполне возможно, что Китай находится на поворотном этапе перехода от цельной, но стратифицированной системы, при которой все вузы управляются по общим принципам и оцениваются по единым критериям, к двухуровневой. Пока говорить о рождении в Китае двухуровневой системы еще рано, однако все указывает на то, что она скоро обретет форму. Согласно правилам Министерства образования, новые вузы имеют право открывать магистерские и аспирантские программы только после восьми лет успешной реализации программ бакалаврского уровня. К настоящему моменту несколько десятков подобных вузов уже запустили собственную магистратуру по направлениям, полностью соответствующим потребностям местного рынка труда, и даже программы прикладной аспирантуры. Кроме того, Министерство образования приступило к реализации пилотного проекта на период с 2012 по 2017 год, в рамках которого некоторым вузам позволено открывать магистратуру и аспирантуру, даже если они основаны менее восьми лет назад, при условии, что новые программы ориентированы на решение конкретных экономических задач местного, регионального или национального уровня. Более того, 22 марта 2014 года заместитель министра образования объявила о том, что Китай планирует в ближайшее время перейти на двухвекторную модель отбора абитуриентов, различающуюся для университетов прикладных наук и традиционных академических вузов. Согласно ее заявлению, министерство перепрофилирует в прикладные примерно 600 региональных университетов.

Таким образом, вероятнее всего, китайская система высшего образования будет состоять из двух параллельных и разделенных секторов. Первый сектор — национальные и полунациональные университеты, пара десятков традиционных региональных университетов плюс региональные вузы, отобранные в рамках Проекта 211. В общей сложности это не более 500 вузов, предлагающих широкий спектр образовательных программ по определенным дисциплинам и профессиям, включая программы общего гуманитарного образования широкого профиля. Это традиционные академические и космополитичные университеты, стимулирующие своих преподавателей вести активную исследовательскую деятельность и готовить новые поколения ученых. Второй, менее избирательный сектор будет включать новые университеты, профессионально-технические колледжи и частные институты. Это огромная по размерам группа, состоящая примерно из 2000 вузов, ориентированных на подготовку кадров, необходимых для региональной экономики. Если они и занимаются какими-то исследованиями,

то это исследования прикладного характера. Вертикальная мобильность в рамках этого сектора существует, но в ограниченном виде. Часть выпускников колледжей имеет возможность продолжить обучение в региональных университетах после прохождения процедуры конкурсного отбора. С учетом того, что численность молодых людей в Китае сокращается, очевидно, что в ближайшее десятилетие у них будет больше возможностей для вертикальной мобильности. Однако начиная с 2008 года университеты, участвующие в Проектах 985 и 211, согласно условиям программы, не имеют права принимать выпускников колледжей.

Текущие изменения ведут к тому, что стандарты высшего образования становятся более диверсифицированными, знания, получаемые студентами, более актуальными по отношению к потребностям рынка труда, а появление альтернативы классическому университету способствует достижению равенства возможностей. Последнее особенно важно в традиционной меритократической, элитистской образовательной системе, которой является китайская система высшего образования, где принято измерять все вузы одной мерой, а затем ранжировать их, создавая таким образом определенную иерархию. С другой стороны, необходимо удостовериться, не приведет ли традиция меритократии и элитизма к академическому откату, даже несмотря на то, что с начала 1950-х и до начала 1980-х, в период советизации высшего образования в Китае, статус политехнических университетов был довольно высок.

Постбакалаврское обучение в Малайзии и Таиланде

Чиאו-Лин Чиэнь
Дэвид У. Чепмэн

Чиאו-Лин Чиэнь — исследователь Института статистики ЮНЕСКО, Монреаль, Канада.
E-mail: cl.chien@unesco.org.

Дэвид У. Чепмэн — профессор в области управления образованием Университета Миннесоты, США.
E-mail: chapm026@umn.edu.

Полный текст доклада доступен в электронной библиотеке Института статистики ЮНЕСКО:
www.uis.unesco.org.

Прием в вузы Азии существенно вырос за последние несколько десятилетий — с 20 млн студентов в 1980 году до 84 млн в 2011-м. Для поддержания такого высокого уровня приема было необходимо расширить магистерские и аспирантские программы, для того

чтобы готовить больше новых преподавателей бакалавриата и повышать квалификацию нынешних, в случае если низкоквалифицированные преподаватели были наняты в связи с быстрым ростом количества бакалавров. Экспансия постбакалаврских программ вызвала целый ряд положительных изменений. Например, на Филиппинах в 2002 году только 8% преподавателей высшей школы имели степень PhD и 26% — степень магистра, а к 2012 году эти показатели выросли до 13% и 41% соответственно.

Правительства Малайзии и Таиланда уверены, что инвестиции в развитие постбакалаврского образования вносят вклад в экономическое развитие их стран.

С точки зрения правительств многих стран, развитие постбакалаврского обучения несет в себе и вторичную выгоду. Многие правительства рассматривают университеты как исследовательские центры, которые принесут свои плоды в форме экономической отдачи для страны. Университетские исследования обычно реализуются в рамках постбакалаврских программ. Таким образом, расширение этих программ рассматривается как способ повышения экономической конкурентоспособности страны.

Институт статистики ЮНЕСКО недавно опубликовал доклад «Высшее образование в Азии: расширение вширь и ввысь» (Higher Education in Asia: Expanding Out, Expanding Up), где анализируется динамика развития постбакалаврского образования в регионе, причем особое внимание уделено государствам Юго-Восточной Азии со средним уровнем доходов. Включенные в доклад кейсы Малайзии и Таиланда позволяют понять, почему правительства и университеты вкладывают так много ресурсов в расширение магистратуры и аспирантуры и каковы последствия этого расширения. Исследование опирается на интервью с руководством и профессорами выбранных государственных исследовательских университетов, чиновниками Министерства образования и сотрудниками международных организаций, работающих в этом регионе.

Ожидаемые результаты

Правительства Малайзии и Таиланда уверены, что инвестиции в развитие постбакалаврского образования вносят вклад в экономическое развитие их стран. По мнению малайзийских респондентов, значительные инвестиции в образование будут способствовать

появлению высококвалифицированной рабочей силы. А высококвалифицированная рабочая сила привлечет международные инвестиции, которые ускорят экономическое развитие страны. Для того чтобы инвестиции в постбакалаврское образование привели к ожидаемым результатам, ведущие университеты должны быть не просто хорошими, они также должны получить международное признание. В качестве способа получения такого признания многие респонденты рассматривают включение вузов в международные рейтинги университетов.

Работа с исследовательскими университетами

Образовательная политика последнего времени, в рамках которой ведущие вузы Малайзии и Таиланда получили статус исследовательских университетов и дополнительное финансирование исследовательской деятельности, свидетельствует о том, что правительство придает большое значение развитию постбакалаврского образования. За последние 10 лет набор в магистратуру и аспирантуру малайзийских вузов увеличился на 400%, что отражает приоритеты государственной политики в развитии образования. Правительство преследует цель повышения научно-исследовательского потенциала коренного населения и снижения зависимости от результатов технических исследований и разработок, проводимых иностранными компаниями, внося щедрый вклад в развитие последипломного образования. В 2008-2009 годах правительство присвоило исследовательский статус пяти университетам, благодаря чему размер их государственного финансирования увеличился на 70% по сравнению с предшествующим годом.

В Таиланде сложилась аналогичная ситуация: набор на программы магистратуры и аспирантуры за последнее десятилетие вырос на 300%. Одна из причин этого заключается в том, что правительство Таиланда считает научную конкурентоспособность страны важнейшим индикатором производства и качества человеческого потенциала. В этой связи Министерство образования Таиланда инициировало в 2009 году Проект по развитию национальных исследовательских университетов, на который было выделено дополнительно 12 млрд бат (около 370 млн долларов США). На сегодняшний день для участия в этом проекте было выбрано девять вузов. Ожидается, что они смогут повысить свои позиции в международных университетских рейтингах.

Международные рейтинги университетов

И чиновники, и сотрудники высшей школы озабочены положением своих вузов в международных рейтингах. Один из малайзийских респондентов привел в этой связи очень удачное сравнение: болельщики судят об уровне футбола в стране в целом по игре ее национальной сборной на международных турнирах.

Если сборная играет хорошо, считается, что футбол в стране достаточно развит. Справедливо это или нет, имидж целой страны, как правило, основывается на представлении о нескольких людях. То же самое и в высшем образовании. Международные наблюдатели составляют мнение о системе высшего образования страны на основе мнения о ее ведущих вузах.

Опрошенные сотрудники тайских университетов оказались сторонниками более умеренных взглядов. Они тоже хотели бы видеть свои вузы на верхних позициях международных рейтингов. Однако они опасаются, что затраты, связанные с повышением позиций в рейтингах, могут помешать реализации других важных целей. Иными словами, международные рейтинги важны, но не менее важно соответствие университетов потребностям тайского общества.

Публикации как путь к высоким рейтингам

Так как публикационная активность является одним из ключевых элементов большинства международных рейтинговых систем, подталкивание исследователей к публикации в ведущих международных журналах рассматривалось как важная часть стратегии повышения рейтинговых позиций. В малайзийских исследовательских университетах на преподавателей постоянно оказывается давление, связанное с необходимостью публикации в ведущих журналах. Университеты пытаются увеличить число публикаций, изменяя систему отчетности и поощрений. Используя управленческие рычаги, правительство внедрило систему ключевых показателей успешности, нацеленную на установление определенного уровня продуктивности деятельности каждого преподавателя, и ввело целевые показатели по количеству публикаций, объему преподавательской нагрузки, грантам и общественной деятельности.

Исследовательские университеты Таиланда тоже делают акцент на публикации в ведущих журналах, но с некоторыми нюансами. Некоторые ученые обеспокоены тем, что, если они будут публиковаться в ведущих англоязычных журналах, результаты их работы будут недоступны большинству тайцев, которые в массе своей не владеют английским. В Таиланде есть устойчивое мнение о том, что университеты в первую очередь должны приносить отдачу тайскому обществу. Кроме того, есть мнение, что некоторым исследователям может быть некомфортно писать статьи на английском, так как их уровень владения языком не соответствует требованиям ведущих международных журналов.

Студенты магистратуры и аспирантуры вносят большой вклад в появление будущих статей: во-первых, они помогают старшим коллегам в проведении исследований, а во-вторых, так как публикация является обязательным требованием для завершения образовательной программы, в Малайзии и Таиланде аспиранты некоторых университетов обязаны опубликовать результаты своих исследований, прежде

чем защищать их. Осознавая роль магистрантов и аспирантов в повышении позиций вузов в международных рейтингах, исследовательские университеты постепенно сокращают прием в бакалавриат, увеличивая при этом прием на программы более высокого уровня, стремясь достичь соотношения 1:1.

Подводя итоги, можно отметить, что и в Малайзии, и в Таиланде изначально расширение программ магистратуры и аспирантуры было направлено на повышение качества профессорско-преподавательского состава на программах бакалавриата. В обеих странах эта идея отошла на второй план, так как стало понятно, что развитие постбакалаврского образования способствует росту национальной экономики в целом. Сфокусированность на экономическом росте страны привела к усилению акцента на необходимости повышения позиций университетов в международных рейтингах, которая повлекла за собой усиление спроса на развитие науки. Необходимость посвящать больше времени исследованиям привела к снижению уровня преподавания. Одним словом, расширение системы высшего образования «ввысь» изменило организационную динамику высшей школы и сущность преподавательской работы.

ЕГЭ в России: проблемы и перспективы

**Елена Денисова-Шмидт
Эльвира Леонтьева**

Елена Денисова-Шмидт — лектор Университета Санкт-Галлена, Швейцария, стипендиат программы Edmond J. Safra Network в Гарвардском университете, США. E-mail: elena.denisova-schmidt@unig.ch.

Эльвира Леонтьева — профессор Тихоокеанского государственного университета в Хабаровске. E-mail: elvira.leontyeva@gmail.com.

После распада Советского Союза в российском высшем образовании произошло два принципиальных изменения: переход к рыночной экономике, приведший к значительному снижению объема финансовой поддержки университетов со стороны государства, и интеграция в европейское пространство высшего образования через присоединение к Болонскому процессу. Обе реформы остались незавершенными. Вузы по-прежнему зависят от государства, при этом их количество превышает необходимое, а качество предлагаемого образования нередко вызывает вопросы. Другой проблемой многих российских университетов является достигающая в некоторых случаях огромного масштаба коррупция, которая может проявляться в самых разных формах как при поступлении, так и во время обучения.

Коррупция при приеме в вузы

В контексте коррупции прием в вузы является одним из наиболее проблематичных вопросов российского высшего образования. Вплоть до 2009 года каждый российский университет проводил свои собственные вступительные экзамены. Уровень коррупции при поступлении был самым высоким в образовании. К 2004 году ее оборот достиг 10,7 млрд рублей (около 455 млн долларов США). Решение этой проблемы было найдено во внедрении единого государственного экзамена (ЕГЭ), который совмещает в себе функции выпускного экзамена для старших школьников и вступительного в вузы. ЕГЭ дает абитуриентам возможность пробовать поступать одновременно в несколько вузов, что было невозможно ранее. ЕГЭ, пришедший на смену традиционным вступительным экзаменам, избавил абитуриентов от необходимости приезжать в университет во время приемной кампании и оставаться там несколько недель, что сократило не всегда доступные для их семей расходы. Все это привело к перемещению коррупции из университетов в другие сферы, например в сферу контроля за проведением ЕГЭ.

Общественное мнение и результаты опросов

Данные опросов Левада-Центра, одного из ведущих российских социологических центров, показывают, что большинство респондентов считают, что с введением ЕГЭ взяточничество, использование блата (использование неформальных связей для получения определенных благ и услуг) и другие злоупотребления во время приемных кампаний в университетах остались на прежнем уровне (34%) или даже возросли (30%). Лишь 13% опрошенных ответили, что введение ЕГЭ способствовало снижению количества нарушений.

Опрос в ряде университетов Дальнего Востока, проведенный нами в 2013 году, показал аналогичные результаты: 31% респондентов подтвердили выявление нарушений в ходе проведения ЕГЭ, причем 14% сталкивались с нарушениями лично, а 17% ссылались на рассказы родственников и друзей. Речь идет о нарушениях, связанных с распространением экзаменационных вопросов до начала ЕГЭ, использованием мобильных телефонов во время экзамена (для обмена SMS или поиска информации в интернете), получением помощи от учителей, присутствующих на экзаменах, вскрытием запечатанных конвертов с результатами тестов для исправления ошибок.

Мошенничество и коррупция помимо ЕГЭ затрагивают и различные этапы поступления в вузы. 12% опрошенных в ходе нашего исследования говорили, что слышали от родственников или знакомых о других видах нарушений, а 4% наблюдали их лично. Эти нарушения могли представлять собой денежное или неденежное вознаграждение за поступление на бюджетное место или оказание абитуриенту особых предпочтений, таких как зачисление вне конкурса или по договору о целевом обучении.

Существует несколько довольно новых тенденций: резко возросло количество абитуриентов из числа сирот, инвалидов и победителей олимпиад. Эти категории абитуриентов имеют определенные предпочтения при поступлении в вузы. Хотя избирательность при предоставлении предпочтений этим категориям сохраняется: так, в ходе опроса респондент рассказал, что один сирота не был зачислен, а многие студенты жаловались на то, что не все результаты олимпиад были засчитаны.

Данные опросов Левада-Центра, одного из ведущих российских социологических центров, показывают, что большинство респондентов считают, что с введением ЕГЭ взяточничество, использование блата и другие злоупотребления во время приемных кампаний в университетах остались на прежнем уровне (34%) или даже возросли (30%). Лишь 13% опрошенных ответили, что введение ЕГЭ способствовало снижению количества нарушений.

Кто выигрывает от высоких результатов ЕГЭ

Во-первых, выигрывают выпускники школ — потенциальные студенты. Высокий балл по ЕГЭ открывает перед ними двери престижных университетов и повышает их шансы на бюджетное место. Во-вторых, выигрывают сами университеты. Высшая школа экономики проводит регулярный мониторинг российских вузов

соответствии со средним баллом ЕГЭ среди абитуриентов. Считается, что абитуриенты, набравшие более 70 баллов (из 100), будут сильными студентами, а набравшие менее 56 — слабыми. Если вуз принимает абитуриентов, набравших менее 56 баллов, он может попасть под санкции со стороны Министерства образования и науки. В-третьих, выигрывают школы: чем больше человек с высокими результатами по ЕГЭ они выпускают, тем лучше их репутация. Взаимозависимость различных акторов — абитуриенты, университеты, школы — только усложняет борьбу с коррупцией на уровне ЕГЭ. Эти формы коррупции могут и не включать денежный компонент: достаточно учителю, наблюдающему за процессом написания ЕГЭ, просто выйти из класса на время и таким образом дать школьникам возможность списать с заранее подготовленных ими шпаргалок. При этом учитель может руководствоваться только беспокойством за профессиональное будущее своих подопечных.

Пока по-прежнему не ясно, будет ли введенная система способствовать борьбе с коррупцией или, наоборот, порождать новые ее формы. В России, где коррупция является повсеместным явлением, ее вряд ли удастся полностью искоренить. Тем не менее введение ЕГЭ — это важный шаг, который стимулирует студенческую мобильность и благоприятствует более прозрачной работе вузов. Согласно данным Росстата, начиная с 2009 года регионы с высоким образовательным потенциалом испытывают растущий приток студентов из других областей страны. В то же время регионы с низким уровнем образования несут серьезные потери. Результаты, полученные в ходе нашего опроса на Дальнем Востоке, подтверждают эту тенденцию: с каждым годом хорошие университеты, расположенные в крупных городах, принимают все больше и больше студентов из деревень и малых городов.

.....

Опрос читателей бюллетеня «Международное высшее образование»

**Ариана Де Гайардон
Дэвид А. Стенфилд**

Ариана Де Гайардон и Дэвид А. Стенфилд — аспиранты, исследователи Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США. E-mail: ariane.degayardon@bc.edu и david.stanfield@bc.edu.

Мы впервые спросили наших читателей о том, что они думают о нашем бюллетене и что, с их точки зрения, нужно сделать, чтобы его улучшить.

Мы очень благодарны за положительные отзывы, полученные в ходе опроса, в котором приняло участие почти 20% наших подписчиков из 86 стран. Подавляющее большинство выразило удовлетворение объемом и страновым охватом статей бюллетеня. Респонденты также подчеркнули, что материалы бюллетеня стабильно высокого качества и содержат точную и надежную информацию по всему тематическому диапазону.

Демографическая информация, представленная респондентами в рамках исследования, позволила выявить несколько интересных тенденций: 55% участвовавших в опросе занимают руководящие должности, а 29% находятся в середине своей карьеры. 43% респондентов живут в Австралии, Великобритании, Канаде и США. Остальные 57% представляют 82 страны, расположенные на всех континентах, что полностью отвечает нашей задаче охватить широкую международную аудиторию.

90% респондентов отметили, что диапазон стран, которым посвящены материалы бюллетеня, является приемлемым или широким, хотя некоторые указали, что нам есть к чему стремиться. Некоторые читатели выразили заинтересованность в появлении статей о странах, информация о которых редко встречается в исследовательской литературе. Подписчики отдельно подчеркнули, что они хотели бы больше знать о Ближнем Востоке, Латинской Америке, Африке и странах «глобального Юга».

Среди тем, предложенных для регулярного освещения, наиболее популярными стали интернационализация и глобализация высшего образования, международные образовательные программы, реформирование высшего образования, сравнительные исследования, вопросы управления вузами. Кроме того, наших читателей интересуют отчеты по отдельным странам и анализ регионов. Неожиданно оказалось, что такие темы, как коррупция в академическом мире, набор студентов, академическая свобода и финансирование, для наших читателей представляют наименьший интерес. В целом респонденты выражали признательность за то, что в бюллетене представлен не только опыт США и что тематика охватывает межгосударственные темы. Как выразился один из читателей, «бюллетень “Международное высшее образование” действительно носит глобальный и сравнительный характер и не стремится транслировать американский взгляд на то, что происходит в остальных странах».

Объем статей удовлетворяет более 80% респондентов; как написал один из них, «все статьи легко читаются, хорошо структурированы, описывают суть дела, давая читателю быстрый и точный ответ на его запрос». Подавляющее большинство подписчиков поддержало идею и дальше сохранять баланс между авторскими/аналитическими статьями и исследовательскими докладами.

Среди тем, предложенных для регулярного освещения, наиболее популярными стали интернационализация и глобализация высшего образования, международные образовательные программы, реформирование высшего образования, сравнительные исследования, вопросы управления вузами.

Более 90% респондентов согласны или абсолютно согласны с тем, что бюллетень поддерживает неизменно высокое качество публикуемых материалов, 94% согласны или абсолютно согласны с тем, что в материалах содержится точная и надежная информация.

Некоторые читатели выразили благодарность за актуальность наших материалов и публикацию статей о текущих событиях, происходящих в мире. Один из респондентов отметил, что «своевременность статей бюллетеня является наиболее значимой характеристикой, отличающей это издание от прочих».

Только 11% респондентов подписано исключительно на бумажную версию бюллетеня; 53% получают только электронную версию, 36% — обе. И хотя стоимость печатной версии становится непомерно высокой, мы понимаем ее значение и планируем продолжать издавать ее до тех пор, пока у нас будет достаточное грантовое финансирование. Некоторые подписчики уверены, что мы должны продолжать выпускать бумажную версию. Так, один из них написал: «Я очень рад тому, что бумажный формат все еще существует. Я храню всю подшивку и периодически обращаюсь к прошлым выпускам».

Наши читатели в целом довольны бюллетенем, и поэтому мы не планируем вносить значимые изменения. Мы очень рады многочисленным положительным отзывам, похожим на этот:

«Я считаю, что “Международное высшее образование” — это незаурядное издание. Оно определенно полезно разработчикам образовательной политики, которые используют различные источники информации. Но оно также полезно даже самым сведущим ученым. Никто не может быть экспертом по всем регионам или вопросам. Зато хороший ученый может многое узнать даже из чисто описательной заметки».

Центр по изучению международного высшего образования выражает благодарность участникам опроса и надеется и дальше получать отзывы и предложения читателей, а также их рекомендации по привлечению новых авторов, которые могли бы внести вклад в нашу дискуссию. Мы будем продолжать уделять внимание критическому анализу вопросов высшего образования, актуальных для мировой аудитории. Мы будем стараться писать о странах и регионах, которым уделяют мало внимания в других изданиях. Но, пожалуй, самое главное — мы будем делать все возможное для того, чтобы и дальше сохранять критический подход и продолжать представлять нашим читателям альтернативные точки зрения.

Развитие бюллетеня «Международное высшее образование»

Начиная с этого номера, в жизни бюллетеня «Международное высшее образование» произойдут некоторые перемены. Мы присоединились к издательской системе библиотеки Бостонского колледжа Open Journal System. Благодаря этому доступ к бюллетеню и поиск по нему упростятся, а архивирование старых номеров будет вестись более эффективно. Кроме того, теперь на бюллетень будет легче выйти через интернет-поисковики. Возможно, нашим читателям понадобится некоторое время, для того чтобы приспособиться к этим изменениям, которые позволят существенно увеличить нашу аудиторию. Приглашаем вас посетить новый сайт бюллетеня: <http://ejournals.bc.edu/ojs/index.php/ihe>, где на данный момент выложен текущий номер и два предыдущих. Вскоре на этом сайте появятся и все предыдущие номера, о чем мы своевременно сообщим нашим подписчикам.

Пока материалы всех выпусков доступны на знакомой нашим читателям странице: <http://www.bc.edu/content/bc/research/cihe/ihe/issues.html>.

Новости Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже

Продолжается многолетнее плодотворное научное сотрудничество центра с Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики». Новый совместный проект направлен на изучение влияния университетских рейтингов на вузы в десяти странах. Исследователи будут рассматривать реальные результаты стратегий, связанных с продвижением в рейтингах и рейтингоманией вообще. Итоги нашего предыдущего совместного исследования, посвященного изучению инбридинга в восьми странах, будут опубликованы в виде отдельной книги издательством Palgrave Macmillan. Также в этом году в издательстве State University of New York Press выйдет книга под редакцией Марии Юдкевич, Филипа Дж. Альтбаха и Лоры Э. Рамбли о жизни молодых преподавателей в десяти странах — тоже результат совместных исследований Центра по изучению международного высшего образования и Высшей школы экономики.

Филип Дж. Альтбах продолжает свою работу в качестве члена Совета по повышению конкурентоспособности ведущих университетов Российской Федерации среди ведущих мировых научно-образовательных центров, действующего в рамках программы «5-100». На реализацию этой программы было выделено более 300 млн долларов США, которые будут потрачены на реформирование группы российских вузов, нацеленное на повышение уровня интернационализации

Новая инициатива: тематический выпуск, посвященный интернационализации высшего образования

С конца 2014 года будет выходить пятый ежегодный выпуск бюллетеня, посвященный вопросам интернационализации высшего образования. Редактором тематического выпуска будет Ханс де Вит, директор Центра по изучению интернационализации высшего образования Католического университета Святого Сердца в Милане (Италия). Номер будет содержать аналитику, посвященную вопросам интернационализации. Для получения дополнительной информации, пожалуйста, обращайтесь к Хансу де Виту по адресу: j.w.m.de.wit@hva.nl.

и конкурентоспособности на международном рынке, а также модернизацию системы управления.

Центр по изучению международного высшего образования недавно выпустил четвертый номер совместного с Американским образовательным советом издания International Briefs for Higher Education Leaders. Номер посвящен Аргентине, Бразилии и Чили. Все вышедшие к настоящему моменту обзоры по различным странам будут изданы в виде отдельной книги в конце 2014 года. Впоследствии в серии появятся и новые публикации.

Филип Дж. Альтбах будет представлять Центр по изучению международного высшего образования на конференции Британского совета Going Global в Майами, Флорида. Среди прочего он представит результаты исследования, выполненного центром совместно с Global Opportunities Group под руководством Дэвида Энгберга по заказу Британского совета и Германской службы академических обменов (DAAD). Исследование было посвящено изучению стипендиальных программ для поддержки обучения за рубежом, действующих в одиннадцати странах, и их результатов. Филипп Дж. Альтбах также примет участие в заседании Международного наблюдательного совета Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге и выступит на конференции Европейской ассоциации международного образования в Праге.

ИНИИ НИУ ВШЭ

Институт институциональных исследований НИУ ВШЭ (ИНИИ) осуществляет фундаментальные и прикладные исследования в области институционального анализа, экономики и социологии высшего образования и науки на основе мировых академических стандартов.

ИНИИ интегрирован в международную сеть исследователей высшего образования и сотрудничает с зарубежными экспертами в рамках сравнительных научно-исследовательских проектов в области развития высшей школы и социальной политики в сфере образования. В рамках долгосрочного сотрудничества с Центром по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже (США) ИНИИ осуществляет издание русскоязычной версии бюллетеня «Международное высшее образование».

<http://cinst.hse.ru/>

«Международное высшее образование» — русскоязычная версия информационного бюллетеня International Higher Education (Бостонский колледж, США), издается НИУ ВШЭ с 2014 года ежеквартально

Переводчик — Галина Петренко
Редактор перевода — Лариса Тарадина
Корректор — Ольга Першукевич
Дизайн, верстка — Владимир Кремлёв
Руководитель проекта — Мария Юдкевич
yudkevich@hse.ru
Координатор проекта — Ольга Рожкова
orozhkova@hse.ru

101000, Москва,
ул. Мясницкая, д. 20

Тираж 300 экз.

E-mail: ihe@hse.ru

Сайт журнала: www.ihe.hse.ru

ВЫПУСК

76

Лето
2014

